

М. Зиновьев, А. Плешакова

КАК БЫЛ ВЫПОЛНЕН ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ

Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Р. С. Ф. С. Р.

В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. Обучение это ведется в государственных школах, как существующих, так и учреждаемых для неграмотного населения по планам народного комиссариата просвещения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Действие этого пункта распространяется на красноармейцев, причем соответственная работа в военных частях производится при ближайшем участии политотделов красной армии и флота.

2) Срок ликвидации неграмотности устанавливается губернскими и городскими съездами по принадлежности. Общий срок по ликвидации неграмотности на весь составленный органами Наркомпроса и заучесочный срок со дня окончания ликвидации неграмотности.

М. Зинovieв, А. Плешакова

КАК БЫЛ ВЫПОЛНЕН ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1961

В декабре 1919 года Владимир Ильич Ленин подписал исторический декрет о ликвидации безграмотности в стране. Это были суровые годы гражданской войны. Но ничто не могло сломить великой тяги к знаниям миллионов людей, поднятых революцией к творческой жизни. Ленинский букварь, первичная школа грамоты в крестьянской покосившейся хате, кропотливая учеба при лучине и коптилке с огрызком ломаного карандаша — это целая историческая эпопея самоотверженной борьбы народных масс под руководством Коммунистической партии за культуру и грамоту.

Брошюра на богатом фактическом материале рассказывает об огромной работе партии и Советского государства, комсомола, всех общественных организаций по ликвидации неграмотности в СССР — одного из тяжелейших наследий царской России. Первая глава написана *А. Плешаковой*, вторая и третья — *М. Зичовьевым*.

Отзывы и пожелания просим присылать по адресу:

Москва, Д-47, Миусская пл., 7, Госполитиздат,
редакция литературы по истории советского общества.

ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО

Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием.

В. И. Ленин

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Темнота и безграмотность, бесправие и беспросветная бедность были уделом народных масс царской России. В 1913 году приехала в деревню Аксеново Ивановской области молодая учительница Елизавета Николаевна Данилова. Целиком отдать себя служению народу, обучать людей грамоте, просвещать их, нести им знания — в этом она видела цель своей жизни.

Но благородный порыв учительницы враждебно встретили царские власти. Однажды захотела Елизавета Николаевна собрать мужиков в школу, чтобы рассказать им о происхождении земли и человека. Сказала об этом старосте. Тот к уряднику. А урядник строго-настрого приказал:

— У меня чтоб никаких собраниев не было. А этой учительке я дурь из головы вышибу.

Так было не только в Аксенове, так было по всей России.

В 1913 году при обсуждении сметы расходов министерства народного просвещения в Государственной думе выступил депутат большевик А. Е. Бадаев. Проект его речи был подготовлен В. И. Лениным¹.

Гневно звучал голос большевика: «Россия бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 113—122.

платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в нетопленных и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирах и преследованиях со стороны начальства. Россия бедна, чтобы платить честным работникам народного просвещения, но Россия очень богата, чтобы кидать миллионы и десятки миллионов на дворян-тунеядцев, на военные авантюры, на подачки сахарозаводчикам и нефтяным королям и тому подобное».

Царское правительство, помещики и капиталисты в грамотности трудящихся масс видели для себя смертельную опасность и поэтому старались держать простой народ подальше от школ. На народное просвещение в царской России расходовалось меньше 5 процентов государственного бюджета.

Власть царская народ держала в нищете,
И в нищете и в темноте.
Народной темнотой держалось наше горе.
Друзья, подумайте о том, что на Руси
Люд грамотный — что капля в море,—

писал в первые годы Советской власти пролетарский поэт Демьян Бедный.

Такая политика царизма привела к почти полной неграмотности трудового населения страны. Около четырех пятых детей и подростков не получали никакого образования. В 1897 году на тысячу человек населения России приходилось только 223 грамотных, причем в это число входили представители всех классов страны. Среди женщин неграмотных было 87,6 процента. Недаром В. И. Ленин называл царское министерство народного просвещения министерством «народного затемнения».

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь для всестороннего развития человека. Перед трудящимися встала задача строительства нового общества, свободного от эксплуатации и нищеты, самого гуманного общества на земле — социализма.

посылает своих видных деятелей: Н. К. Крупскую, М. Н. Покровского, Л. Р. Менжинскую, В. П. Потемкина, П. Н. Лепешинского и других.

С первых же дней существования Наркомпроса перед ним встала задача добиться всеобщей грамотности и политического просвещения населения.

В Наркомпросе был создан специальный отдел внешкольного образования, который возглавила Н. К. Крупская — виднейший организатор культурного строительства в нашей стране, активный борец за выполнение задач культурной революции, за грамотность народа. Много внимания Надежда Константиновна уделяла повышению культурного и политического уровня женщин — работниц и крестьянок, постановке народного образования в национальных республиках и областях. В борьбе с неграмотностью Н. К. Крупская показала себя не только как выдающийся организатор, но и как крупнейший методист-теоретик. Ее перу принадлежит много статей и работ по вопросам обучения неграмотных и малограмотных. Она занималась вопросами издания букварей, наглядных пособий для школ грамоты. За выдающиеся заслуги в деле просвещения и культурного строительства Н. К. Крупская была награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

В конце 1918 года В. И. Лениным был подписан декрет «О мобилизации грамотных и организации пропаганды советского строя», по которому все грамотное население страны привлекалось к разъяснительной работе среди неграмотных.

Тяга к знаниям у самих народных масс была велика. Миллионы людей стремятся к тому, говорил в одной из бесед с Кларой Цеткин В. И. Ленин, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, хотят приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и колдуньи совместно с «отцом небесным»¹.

Никакие трудности первых лет революции и гражданской войны не могли остановить стремления к учебе.

¹ См. К. Цеткин. Воспоминания о Ленине, М., 1959, стр. 12

«У меня постоянно перед глазами одна картина,— вспоминала Н. К. Крупская.— Возвращается с фронта молодой рабочий с винтовкой за плечом — выборгский рабочий. Заходит вечером в район, говорит: «А мел-то есть у вас, есть карандаши? Как школа работает? Давайте захвачу, я туда иду». Не успел приехать с фронта, еще лицо его дышит возбуждением борьбы, а он уже переключается на другой фронт, фронт социалистического строительства».

Тяга масс к знаниям, к культуре проявлялась в создании большого количества кружков, вечерних курсов, школ грамотности. Рабочие и крестьяне требовали от Наркомпроса букварей, учебных пособий, просили помочь учителями.

Партия и правительство придали этому стихийному движению организованный характер. В марте 1919 года VIII съезд РКП(б) принял новую программу партии, в которой был специальный раздел о задачах в области народного образования. В программе говорилось о необходимости проведения бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей, привлечения трудящегося населения к активному участию в просвещении. Партия ставила задачу оказать всестороннюю помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян, создать сеть учреждений внешкольного образования: библиотек, школ для взрослых, народных домов и университетов, курсов и т. п.

В мае 1919 года состоялся I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. Около 800 делегатов приняло участие в его работе. Здесь был подведен итог полуторагодовой деятельности в области внешкольного образования.

Большое внимание уделил работе съезда В. И. Ленин. Он дважды выступил перед его участниками. В. И. Ленин призвал бороться с культурной отсталостью трудящихся масс и подчеркнул особую необходимость ликвидации безграмотности. «Мы должны взяться,— говорил Владимир Ильич,— за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч, т. 29, стр. 310.

В ответ на призыв вождя Коммунистической партии и Советского государства съезд решил более активно привлечь грамотное население страны для обучения неграмотных. В специальной резолюции «О ликвидации безграмотности» был намечен план всеобщего обучения по республике. Однако без государственной помощи, без самого активного участия широких народных масс выполнить его было невозможно. Поэтому съезд обратился к Советскому правительству с просьбой издать специальный декрет о ликвидации безграмотности подростков и взрослых. Партия и правительство поддержали эту инициативу.

ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ

26 декабря 1919 года В. И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Государство обязывало все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию.

Советское государство не только обязывало учиться, но и создавало для этого все необходимые условия. Для учащихся рабочий день сокращался на два часа с сохранением заработной платы. Для занятий разрешалось использовать народные дома, церкви, клубы, частные дома, подходящие помещения на фабриках и заводах, в советских учреждениях.

Всю эту работу должны были возглавить органы Наркомпроса. Однако Советское правительство понимало, что один Наркомпрос справиться с таким сложным делом не может. Поэтому в декрете указывалось, что к самому активному участию в ликвидации неграмотности должны привлекаться все организации трудового населения — ячейки партии, профессиональные союзы, комсомол, комиссии по работе среди женщин и т. д.

Для обучения неграмотных нужны были сотни тысяч грамотных людей. А такими людьми страна была бедна. Поэтому правительство избрало единственно правильный для того времени путь привлечения преподавателей — трудовую повинность. Все грамот-

Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Р. С. Ф. С. Р.

В целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил:

1) Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. Обучение это ведется в государственных школах, как существующих, так и учреждаемых для неграмотного населения по планам народного комиссариата просвещения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Действие этого пункта распространяется на красноармейцев, причем соответственная работа в военных частях производится при ближайшем участии политотделов красной армии и флота.

2) Срок ликвидации неграмотности устанавливается губернскими и городскими советами по принадлежности. Общий план по ликвидации неграмотности на местах составляется органами Наркомпроса в двухмесячный срок со дня опубликования настоящего декрета.

3) Наркомпросу и его местным органам предоставляется право привлекать к обучению неграмотных в порядке трудовой повинности все грамотное население страны, не призванное в войска, — с оплатой их труда по нормам работников просвещения.

4) К ближайшему участию в работах по ликвидации безграмотности народным комиссариатом просвещения местными органами его привлекаются все организации трудового населения как то: профсоюзы, местные ячейки Р. К. П., союз коммунистической молодежи, комиссии по работе среди женщин и пр.

5) Обучающимся грамоте, работающим по найму, за исключением занятых в милитаризованных предприятиях, рабочий день сокращается на два часа на все время обучения с сохранением заработной платы.

6) Для ликвидации неграмотности органам народного комиссариата просвещения предоставляется использовать народные дома, церкви, клубы, частные дома, подходящие помещения на фабриках, заводах, в советских учреждениях и, т. п.

7) Надлежащим органам вменяется в обязанность удовлетворять запросы учреждений, имеющих целью ликвидировать неграмотность, преимущественно перед другими учреждениями.

8) Уклоняющиеся от установленных настоящим декретом повинностей и препятствующие неграмотным посещать школы привлекаются к уголовной ответственности.

9) Наркомпросу поручается в двухнедельный срок издать инструкции по применению настоящего декрета.

Председатель совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами совета народных комиссаров

Вл. Бон-Бруевич.

Декрет о ликвидации безграмотности
среди населения РСФСР от 26 декабря 1919 года

ное население страны, не призванное в армию, по трудовой повинности за определенную плату должно было участвовать в обучении неграмотных.

В молодой Советской республике оставалось еще немало людей, настроенных враждебно к Советской власти, стремившихся помешать просвещению трудящихся. Декрет давал соответствующим организациям право строго карать, вплоть до привлечения к уголовной ответственности, всех, кто попытается препятствовать неграмотным посещать школы.

Декрет был разослан по всей стране. К популяризации декрета привлекались поэты, писатели, художники. Всюду пестрели призывы: «Долой неграмотность!», «Неграмотность — резерв контрреволюции!», «Грамотность — меч, побеждающий темные силы!» Их писали даже на стенах зданий, на асфальте улиц.

Ленинский декрет был воспринят рабочими, крестьянами, передовой интеллигенцией с огромным энтузиазмом. Повсюду развернулась борьба за его выполнение, широкое движение за ликвидацию неграмотности, или, как стали называть это движение — ликбез.

Даже по неполным статистическим данным, в 41 европейской губернии РСФСР и автономных областях (Чувашской, Марийской, Коми, Вятской и других) в ноябре 1920 года работало более 12 тысяч пунктов по ликвидации неграмотности, или, как их стали называть, ликпунктов, в которых обучалось около 300 тысяч неграмотных.

В первых рядах борцов шли трудящиеся Петрограда. Здесь сразу же было широко организовано обучение взрослых. При Петроградском отделе внешкольного образования была создана Центральная комиссия грамотности. В каждом районе образовались комиссии по борьбе с неграмотностью. Партийные организации послали коммунистов для проведения политбесед в школах неграмотных. Выпуски из школ грамоты отмечались как праздничные события. Так, на первый выпуск 10 июля 1920 года в Народном доме собралось 5 тысяч человек.

В Москве и Московской области борьба за выполнение ленинского декрета приняла также широкий

размах. Особое внимание здесь обращалось на привлечение грамотных рабочих к обучению своих товарищей. Из каждых 100 человек, мобилизованных на ликвидацию неграмотности, 80 были рабочие. В Москве был организован первый в стране кабинет внешкольника, в котором обобщался опыт по ликбезу.

Борьбу за грамотность всюду возглавили коммунисты. Партийная организация «Трехгорной мануфактуры», заслушав на общем собрании доклад представителя отдела народного образования, мобилизовала коммунистов на работу по обучению неграмотных. В Нижегородской губернии на партийных конференциях Павловского и Канавинского уездов было вынесено решение ускорить ликвидацию неграмотности среди коммунистов. IV Суздальская уездная партийная конференция обязала каждого грамотного коммуниста активно бороться за проведение в жизнь ленинского декрета.

Политика партии встретила поддержку самых широких масс. I беспартийный съезд трудящихся крестьян Тихвинского уезда записал в резолюции: «В рабоче-крестьянской республике не должно быть ни одного неграмотного, и поэтому беспартийный съезд приветствует декрет Совнаркома о ликвидации неграмотности и одобряет проведение его в жизнь в пределах губернии. Долой народное невежество!»¹ II беспартийный съезд в Екатеринбургской губернии, обсудив вопрос о ликвидации неграмотности, призвал всех трудящихся «пойти навстречу осуществлению прекрасной и светлой мысли общего и полного просвещения»².

Но до полной грамотности населения было еще далеко. Страна находилась в огненном кольце фронтов. Шла гражданская война, развязанная империалистами и белогвардейщиной. Тяжелым было и хозяйственное положение молодой Советской республики. Разруха, голод и эпидемии еще больше обостряли обстановку в стране.

Трудно было в таких условиях поднять широкие слои населения на ликвидацию безграмотности. К тому

¹ Ленинградская Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, фонд листовок, папка № 18.

² «Уральский рабочий», 12 ноября 1920 г.

же враги Советской власти — остатки свергнутых классов, а также кулаки и попы всячески старались сорвать это дело. Мешал и саботаж некоторой части старой интеллигенции. Не хватало школ, бумаги, карандашей. Не было букварей для обучения взрослых, не было программ, методических разработок.

Все это заставило принять особые меры. 19 июля 1920 года декретом Совнаркома РСФСР, подписанным В. И. Лениным, при Главполитпросвете Наркомпроса (органе, объединявшем всю политико-просветительную работу в стране) учреждалась Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ). Она получила особые полномочия. Чрезвычайная комиссия могла использовать на работе всех нужных ей лиц, привлекать к судебной ответственности тех, кто тормозил это важное дело.

Для усиления партийного влияния и более тесной связи ВЧКЛБ с трудящимися при ней было образовано постоянное совещание из представителей Отдела по работе среди женщин ЦК РКП(б), Отдела по работе в деревне ЦК РКП(б), от ЦК комсомола и Политического управления Красной Армии. Такие же постоянные совещания существовали при губернских и уездных чрезвычайных комиссиях по ликвидации неграмотности или, как их стали называть, грамчека. В помощь местным организациям при ВЧКЛБ был штат специальных разъездных инструкторов.

ВЧКЛБ начала планомерную работу по борьбе с неграмотностью.

«Работать при любых условиях, обучать грамоте во что бы то ни стало» — таков был в эти годы лозунг энтузиастов ликбеза.

Тяжело было с преподавателями. ВЧКЛБ организовала в Москве всероссийские краткосрочные курсы. А по всей стране, в губернских городах, уездах, волостях, работало 8000 таких курсов, готовивших так называемых ликвидаторов неграмотности.

В газетах печатались статьи, советы, заводились специальные «Уголки грамотных», издавались приложения для учащихся. Выходили и специальные газеты для неграмотных: «В помощь учебе», «Крестьянская газета для начинающих читать», «Газета-букварь».

Трудностей было много и прежде всего с букварями. В старых букварях люди читали: «Ши да каша — пища наша», «Мыло серо — да моет бело». Эти буквари не воспитывали массы политически, а ведь партия ставила задачу не только учить грамоте, но и политически просвещать массы.

Нужен был новый, советский букварь для взрослых. Этим вопросом очень интересовался В. И. Ленин, торопил с изданием такого букваря. Повседневную заботу о букваре проявляла и Н. К. Крупская. ВЧКЛБ объявила конкурс на лучший букварь, на лучшую книгу для чтения. И такие буквари вскоре были созданы.

Член ВЧКЛБ Д. Ю. Элькина вспоминает, как, обучая красноармейцев грамоте на деникинском фронте, она особенно остро почувствовала непригодность старого букваря:

«При чтении первой фразы: «Маша ела кашу» — раздался громкий насмешливый голос: «И каша была, и Маша была, а у нас ни каши, ни Маши». К этому были добавлены такие «крепкие» слова, что все красноармейцы так и покатались со смеху, а я почувствовала, что краснею до слез.

На мгновение растерялась. Что делать?.. Как же установить нормальный порядок занятий?

Вывел из тяжелого положения мой опыт агитатора. Не успел еще прекратиться смех, когда я строго, учительски, спросила:

«Прошу мне ответить на вопросы: почему в нашей стране, которая занимает шестую часть света, нет каши? Почему ваши матери, жены, невесты, сестры мыкают горе одни? Почему вы не ведете мирную трудовую жизнь? За что вы боретесь сейчас на фронтах гражданской войны?»

Вопросы, видимо, заинтересовали. Сразу стало тихо. Лица стали суровыми, каждый обдумывал ответ.

Я понимала, что красноармейцы по уровню развития были гораздо выше прежних моих взрослых учеников...

Поэтому что, кроме смеха, могла вызвать фраза: «Маша ела кашу»? Как только перед бойцами были поставлены серьезные вопросы, настроение сразу изменилось».

Д. Ю. Элькина подготовила новый текст букваря, отражавший идеи революции, за которые народ поднялся на борьбу.— Мы не рабы, мы победим,— сказал учительнице один из солдат. И это стало первой фразой букваря, напечатанного на клочках оберточной бумаги в армейской типографии. «Это был метод связи учебы с жизнью, чего все время требовал Ильич»,— так писала об этом Н. К. Крупская.

Занятия по новому букварю не прошли даром. Д. Ю. Элькина вспоминает:

«Один из товарищей — политработник штаба — рассказывал, что во время эвакуации штаба он был в роте и, вернувшись в политотдел, застал там только дежурного красноармейца у телефона. Политработника поразил вид канцелярии штаба: все стены были исписаны углем вкривь и вкось крупными буквами: «Мы не рабы. Мы победим». Когда он спросил у дежурного, что значат эти надписи, тот объяснил так: «Это наши ребята перед уходом расписались: когда придут белые, пусть знают гады, что не долго им здесь быть».

Урок грамоты был усвоен хорошо!»¹

Так на фронте появился первый советский букварь для взрослых.

В 1920 году был издан букварь «Долой неграмотность», разработанный Д. Элькиной, Н. Бугославской и А. Курской. Он был составлен на основе политических лозунгов, близких и понятных широким массам трудящихся:

Мы не рабы.
Советы — набат народа.
Мы несем миру свободу.
Союз рабочих и крестьян непобедим.
Коммунизм — наш факел победный.

Такие буквари помогали трудящимся не только овладевать грамотой, но и знакомили их с политикой Советской власти, вовлекали в борьбу за новое, социалистическое общество.

Букварь «Долой неграмотность» был снабжен методическими указаниями и получил широкое распро-

¹ Д. Ю. Элькина, На культурном фронте, М., 1959, стр. 42—43, 47—48.

странение. Вскоре появился букварь красноармейца, букварь крестьянина. В это же время издается «Советская азбука» В. Маяковского, написанная в форме острой политической сатиры, специально для «армейского употребления»:

Б

Большевики буржуев ищут
Буржуи мчатся верст за тыщу.

Д

Деникин с шайкой лезет к Туле
Дойдешь до Тулы черта в стуле.

На фронте она имела большой успех.

Советское государство в эти тяжелые годы было не в силах обеспечить обучающихся всем необходимым — учебниками, учебными принадлежностями и пособиями, поэтому приходилось прибегать к разного рода средствам. Так, например, в практическом руководстве «Ликвидаторам неграмотности» имелся раздел: «Как обойтись без бумаги, без перьев, без чернил, без карандашей». В нем давались такие советы: «Можно писать острым, длинным осколком аспидной (грифельной) доски на закопченных горшечных черепках. Можно писать разведенным мелом на деревянных дощечках, покрытых какой-нибудь темной краской. Мел стирать по мере надобности мокрой тряпкой и писать снова. Если есть обломки свинца (старые пуговицы, дробь, картечь, внутренность пуль, ложки и др.), то можно сделать из них прекрасный прочный карандаш». Давалась консультация, как сделать чернила из свеклы, бузины и т. п.

Во многих губерниях устраивались недели и дни борьбы с неграмотностью, проводились сборы карандашей, бумаги, книг, устраивались концерты, спектакли, вход на которые оплачивался карандашами, перьями, бумагой.

Среди неграмотных встречались люди, не желавшие учиться. Общественность делала все, чтобы привлечь их к учебе: беседы, разъяснения, вплоть до мер принуждения.

Особое внимание в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны партия обращала на ликвидацию неграмотности среди красноармейцев и

матросов. Она требовала, чтобы за время пребывания в армии и на флоте рабочий и крестьянин научился грамоте.

Красноармейцы и матросы обучались даже на передовых позициях. Маршал Советского Союза С. М. Буденный вспоминает об этом:

«В одном из полков I Конной армии я был свидетелем такой картины: на спины кавалеристов, направ-

Листовка Пермской губернской
чрезвычайной комиссии по ликбезу. 1920 год

лявшихся в строю на передовые линии фронта, комиссар прищипливал листы бумаги, на которых были крупно написаны буквы. Время от времени он поднимал пику и, указывая ею на спины впереди едущих бойцов, спрашивал у задних:

- Какая буква?
- Бы...
- Не «бы», а «бэ», — поправлял комиссар. — А это?
- Гэ.
- Правильно, молодец...

Так и научились наши славные кавалеристы читать плакаты того времени: «Даешь Врангеля!» и «Бей гада!»»

Писательница Л. Сейфуллина в своих воспоминаниях рассказывает о том, как она вела занятия с красноармейцами 5-й армии на Урале в годы гражданской войны.

На уроки арифметики и общеобразовательных предметов бойцы собирались охотно. К урокам чтения их привлек гений Пушкина. Но уроки грамматики и синтаксиса многие находили утомительными, несущественными и пропускали их. Политкомиссар дал распоряжение поставить в классе у дверей часового. Его строго военный вид смущал и тех, кто учился, и тех, кто учил. Но вот начался грамматический и синтаксический разбор текста декрета о ликвидации безграмотности в РСФСР. Один из красноармейцев читал: «В целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил...»

Из рядов обучаемых раздался голос:

— Какие же мы сознательные участники, если не сумеем совсем грамотно политическую речь сказать? Наломаем по-деревенски все склонения и падежи, и ничего не получится... Эх, надо учиться, надо!

В этот день красноармейцы учились не только прилежно, но и вдохновенно. Первый пункт декрета вызвал горячее обсуждение:

— Посмел бы царский солдат хоть маленько рассуждать о политике!

— Тут бы ему в минуту — дырка в голове...

— А если еще «сознательно» ...целый взвод — пли!

— Раньше говорилось: что солдат? Серая скотина.

— А Совнарком постановил: нет — люди! Население республики должно получить возможность сознательного участия...

После этого пост у классных дверей был снят. Каждый старался осмыслить перемену в своей личной судьбе, принесенную новым государственным строем, вернее и глубже понять новую жизнь и по призыву Ленина научиться строить ее.

Благодаря большой работе партийных организаций и комиссаров число школ грамоты в армии и во флоте росло очень быстро. К концу 1918 года их насчитывалось около 500, а в 1920 году — 3625, в том числе 1566 — в действующих войсках. На каждую тысячу военнослужащих в армии было 826 грамотных, а во флоте — 942.

Почти полная грамотность бойцов Красной Армии и Красного Флота, достигнутая за годы гражданской войны, способствовала повышению их политической сознательности, ясному пониманию целей борьбы. Массовый героизм и самоотверженность были отличительной чертой армии пролетарской революции.

А возвратившись из армии, бойцы учили грамоте своих земляков, воспитывали их политически.

А. С. Курская, председатель ВЧКЛБ, вспоминает о работе на селе вернувшихся с фронта красноармейцев: «Они мало походили по внешнему виду на привычный облик учителя: старая, дырявая шинелька едва согревала худую фигуру. На ногах не совсем теплые обмотки, на голове порыжевшая шапка. Этот учитель поздним зимним вечером, в непогоду ходил из избы в избу, терпеливо водил своей рукой огрубевые, неподатливые крестьянские пальцы, стараясь начертать первые буквы...»

К концу 1920 года в стране было обучено приблизительно 7 миллионов человек, из них более 4 миллионов женщин. Сделано было очень много, но это были лишь первые успехи в ликвидации неграмотности. Грамотность трудоспособного населения от 15 до 50 лет составляла тогда только 46,8 процента, а грамотность всего населения республики была еще ниже. Только треть населения РСФСР в возрасте от 9 лет и старше была грамотной.

ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ!

Победой советского народа окончилась гражданская война и иностранная интервенция. Однако положение в стране оставалось крайне напряженным. «Россия из войны вышла в таком положении,— говорил В. И. Ленин,— что ее состояние больше всего похоже на состояние человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!»¹ Большинство фабрик и заводов стояло. Транспорт был разрушен. Все более усиливался топливный и продовольственный кризис. Поло-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 200—201.

жение осложнялось небывало тяжелым неурожаем 1921 года. В стране была безработица. От голода и лишений многие рабочие бежали в деревню, что приводило к распылению рабочего класса. Нехватка самых необходимых продовольственных продуктов и промышленных товаров порождала спекуляцию.

Крестьянство, помогавшее Советской власти в годы гражданской войны, теперь отказывалось сдавать по продразверстке весь хлеб государству. Недовольство крестьянства пытались использовать в своих целях остатки свергнутых классов и контрреволюционных партий.

Коммунистическая партия делала героические усилия, чтобы вывести Советскую республику из такого, казалось бы, безвыходного положения.

Необходимо было восстановить промышленность и транспорт, вывести страну из разрухи. Надо было улучшить положение рабочих и крестьян, облегчить их бедствия, поднять массы на строительство новой жизни, чтобы превратить отсталую Россию в мощную и независимую социалистическую державу.

С чего начать? Где взять средства на восстановление? Займов ни одно капиталистическое государство не давало, надеясь задушить нас экономически. Ведь мировая буржуазия не отказалась от своих планов уничтожения Советской власти.

Но партия нашла верный путь. По предложению В. И. Ленина X съезд РКП(б) в марте 1921 года предложил правительству заменить продразверстку продналогом. В стране допускалась свобода торговли. Переход к новой экономической политике укреплял союз рабочего класса и крестьянства, диктатуру пролетариата, способствовал подъему производительных сил страны и накоплению средств для развития промышленности.

Средств у государства было очень мало. Приходилось экономить на всем. Но даже и в это тяжелое время В. И. Ленин указывал, что экономия должна идти за счет любых учреждений, но только не за счет развития народной грамотности.

Однако в первые годы после войны отсутствие средств у местных Советов привело к тому, что многие избы-читальни, сельские библиотеки, пункты ликбеза

стали закрываться. Если в 1921 году на губернию в среднем приходилось по 1600 пунктов, то в апреле 1922 года их было 150. Мириться с этим было нельзя. И партия поднимает общественность, привлекает к обучению неграмотных на добровольных началах профсоюзы, кооперацию, предприятия, красноармейские части.

В феврале 1922 года собрался I Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности. Съехались делегаты из 44 губерний, были представители от воинских частей, от ЦК профсоюзов. После горячего обсуждения постановили: не только добиваться восстановления прежде действовавших ликпунктов, изб-читален, библиотек, но и открывать новые.

Трудности были большие, и некоторая часть работников народного просвещения, испугавшись их, предлагала закрыть культурно-просветительные учреждения, а ликвидацию неграмотности отложить до лучших времен. Состоявшийся в марте 1922 года XI съезд партии осудил такие настроения. Он предложил Наркомпросу выделить средства на политико-просветительную работу, возложив ответственность за ее проведение на губернские партийные комитеты.

Вслед за решением XI съезда партии Центральный Комитет и Главполитпросвет специальным циркуляром обязали местные партийные организации постоянно контролировать ход борьбы за грамотность. По указанию Наркомпроса при уездных и волостных отделах народного образования создавался штат специальных работников по ликбезу. На основе соглашения, заключенного в начале 1923 года между ВЧКЛБ и ВЦСПС, от профсоюзных организаций начали поступать средства на обучение безграмотных и малограмотных.

Вновь стало расти количество ликпунктов. Теперь они прикреплялись к промышленным предприятиям, совхозам, красноармейским частям. Усиливалось внимание к ним рабочих коллективов.

Председатель ВЦИК М. И. Калинин, отмечая это явление, писал: «Заглохшая было к 1921 и 1922 гг. работа по ликвидации неграмотности вновь оживает... Если на 1 октября 1922 г. мы имели учтенных по всей России 1012 ликпунктов с 25 300 учащихся, то на

1-е апреля 1923 г. уже числится 3607 и 104 606 учащихся. Стихийно, под напором требований жизни, работа по ликвидации неграмотности расширяется, становится одним из существенных моментов нашей культурной и государственной деятельности».

И действительно, сама жизнь требовала неуклонного повышения культуры и грамотности населения. Как и в первые годы Советской власти, достижение всеобщей грамотности оставалось важнейшей политической задачей.

В условиях нэпа, когда велась острая идеологическая борьба, вопросы развития культуры, грамотности и политического просвещения трудящихся стали насущными вопросами социалистического строительства и классовой борьбы.

На это В. И. Ленин неоднократно обращал внимание партии. «...В стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя»¹, — указывал он.

Известно, что русские меньшевики, как и вожди II Интернационала, отрицали правомерность Октябрьской социалистической революции, не верили в возможность построения социализма в нашей стране. Они говорили, что для создания социализма требуется определенный уровень развития экономики и культуры, а Россия — страна отсталая в экономическом и культурном отношении.

В. И. Ленин на это отвечал: «Для создания социализма, — говорите вы, — требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?»²

Такие предпосылки были созданы. Теперь решение важнейших экономических и политических задач социалистического строительства во многом зависело от культурного уровня и политического сознания трудящихся масс. В то же время сам рост культуры зависел от экономического и политического развития общества. В. И. Ленин, подчеркивая эту взаимосвязь, писал,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 272.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 439.

что культурная революция в нашей стране «...представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»¹.

Разрабатывая план построения коммунизма в нашей стране, В. И. Ленин одной из его составных частей называет культурную революцию. В целом ряде работ и выступлений, особенно в последних статьях — «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», он глубоко и всесторонне обосновал и разработал содержание и задачи культурной революции: использование культурного наследия прошлого; превращение культуры из достояния немногих в достояние всех; превращение школы в орудие коммунистического воспитания; всестороннее развертывание внешкольного образования (клубы, библиотеки, кино, театры, радио, музеи и т. д.), создание подлинно народной интеллигенции.

В. И. Ленин указывал, что переход к социализму потребует целой полосы культурного развития всей народной массы. «...Без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками... нам своей цели не достигнуть»².

В нашей стране, тогда отсталой и неграмотной, культурная революция должна была начаться с борьбы за всеобщую грамотность населения. В. И. Ленин указывал, что это является важнейшей политической работой партии. Выступая в октябре 1921 года на II Всероссийском съезде политпросветов, он подчеркивал, что задача подъема культуры является одной из самых очередных. Безграмотность — один из злейших врагов Советской власти, говорил В. И. Ленин.

«...Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... Это есть условие, без которого о политике говорить нельзя... Без этого не может быть

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 435.

² Там же, стр. 430.

политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика»¹.

В. И. Ленин подчеркивал огромное значение культурной революции, особенно в укреплении кооперативного строя в деревне. А подавляющее большинство неграмотных в эти годы составляло крестьянство. В. И. Ленин неоднократно указывал, что продвижение по пути к социализму возможно лишь на базе культурного подъема деревни. Он подчеркивал ведущую роль в этом рабочего класса, развил идею культурного шефства города над деревней, определял ее как гигантскую, всемирно-историческую культурную задачу, которая будет служить укреплению союза рабочих и крестьян. Указывая на формы такого шефства, он предлагал основывать объединения из фабрично-заводских рабочих, которые ставили бы себе цель помогать деревне в ее культурном развитии. Опираясь на опыт Западной Сибири, Владимир Ильич рекомендовал раскрепить все городские ячейки по деревенским, для того чтобы они заботились об удовлетворении культурных потребностей своих соячеек. Нам нужно добиться, указывал В. И. Ленин, «...чтобы умение читать и писать служило к повышению культуры, чтобы крестьянин получил возможность применить это умение читать и писать к улучшению своего хозяйства и своего государства»². Это было одно из средств вовлечения деревни в социалистическое строительство.

Партия, Советское государство подняли массы на борьбу за грамоту.

Трудное это было время.

Учиться было нелегко. «Когда я думаю об этом,— писала Н. К. Крупская,— мне вспоминается первая фраза, которую написал мой ученик, только что научившийся писать, ученик вечерних смоленских классов, рабочий фабрики Максвеля, что за Невской заставой в Питере: «Трудно рабочему учиться при двенадцатичасовом дне, но необходимо, чтобы наши благодетели не устроили пятнадцатичасового дня». Было это много лет назад, когда капиталисты были хозяевами жизни. Теперь эту же мысль надо было так

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 55

² Там же, стр. 52.

выразить: «Трудно рабочему учиться, когда на него легло такое сложное дело, как управление страной, измученной и разоренной войной, страной темной, развращенной царизмом; трудно рабочему учиться, когда у него все время поглощает борьба с разрухой, но необходимо, чтобы не пришли назад благодетели народа, капиталисты, помещики и не восстановили старых порядков.

Учиться необходимо, и притом поскорее, не теряя времени»».

И рабочие и крестьяне учились — учились упорно, терпеливо, понимая, что, овладевая грамотой, они ведут борьбу за упрочение нового общественного строя.

В ленинском декрете «О ликвидации безграмотности» не было определено время его выполнения. Однако уже в конце февраля 1920 года, выступая на III Всероссийском совещании заведующих внешкольных отделов губернских наробразов, В. И. Ленин уверенно заявил, «...что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5—10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную»¹.

В мае 1923 года состоялся II Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности. Н. К. Крупская передала ленинский наказ борцам за грамотность. «Незадолго до болезни Владимира Ильича, — говорила Надежда Константиновна, — я рассказала ему, что в настоящий момент американцы агитируют за то, чтобы к 1927 г. окончательно ликвидировать у себя безграмотность. В ответ на это Владимир Ильич сказал: «Надо и нам к тому времени ликвидировать у нас безграмотность». По этому поводу он предполагал напечатать особую статью, но болезнь помешала ему осуществить свое намерение».

На съезде был принят разработанный по инициативе В. И. Ленина план ликвидации неграмотности среди населения Советского Союза в возрасте от 18 до 35 лет к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. За пять лет предстояло обучить грамоте 17 миллионов человек.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 353—354.

ЦК партии поддержал решение съезда. Он предложил всем партийным работникам оказывать всяческое содействие ликбезу. Правительство решило законодательно закрепить предложенный В. И. Лениным срок. ВЦИК и СНК в августе 1923 года издали декрет «О ликвидации неграмотности», указав, что эту ударную задачу народного просвещения, тесно связанную с хозяйственным возрождением страны, необходимо выполнить к десятой годовщине Октября.

Этот декрет был одобрен XI Всероссийским съездом Советов, который обратился ко всем органам Советской власти, партийным, профессиональным и кооперативным организациям, ко всей общественности с призывом «проникнуться сознанием важности осуществления лозунга Ленина и всеми силами содействовать борьбе с народной темнотой».

Решения были приняты. Партийные, советские и общественные организации мобилизованы. Снова остро встал вопрос о средствах. Государство все еще не в состоянии было предоставить их в нужном количестве. На помощь пришли десятки и сотни тысяч трудящихся. В 1923 году по инициативе снизу, при поддержке партии в стране было создано добровольное массовое общество содействия ликбезу «Долой неграмотность» (ОДН)¹. Первыми его членами стали В. И. Ленин, М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Лу-

¹ История появления ОДН такова. В ответ на ленинский призыв ликвидировать неграмотность к десятилетию Октября в Череповецкой, Тульской и других губерниях стали создаваться ячейки содействия ВЧКЛБ. Ячейки содействия ставили перед собой задачу путем организации общественных сил и средств помочь государству в ликвидации неграмотности. В это же время на Украине широкое распространение получили общества по борьбе с неграмотностью. В печати появились сообщения об организации общественных комиссий и отдельных обществ, которые считали своим долгом взять на себя часть заботы государства о ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Это движение привлекло к себе внимание партии и правительства. Из руководящих партийных и советских работников и местных активистов создалась инициативная группа. В ее состав вошел В. И. Ленин. 2 сентября 1923 года вечером в кабинете Наркомпроса РСФСР собрались учредители нового общества. Их было восемнадцать. Они приняли название общества — «Долой неграмотность», разработали проект и избрали временное центральное правление.

начарский. Бессменным председателем ОДН являлся М. И. Калинин, уделявший огромное внимание борьбе за грамоту.

Президиум Центрального совета ОДН в приветствии М. И. Калинин в связи с его 60-летием писал: «Пусть в славный день вашего шестидесятилетнего юбилея будет отмечена и имеющая историческое значение работа ваша по руководству обществом «Долой неграмотность» в качестве бессменного его председателя в течение 11 лет его существования».

Под непосредственным руководством Михаила Ивановича ОДН сделалась массовой организацией, сыгравшей большую роль в борьбе за ликбез.

Организаторы общества и его первое правление (А. С. Курская и Д. Ю. Элькина, Демьян Бедный, представитель Отдела народного образования Сибири О. Кайданова, работник Наркомпроса М. С. Эпштейн и другие) обратились с письмом ко всем партийным, советским и профсоюзным организациям с призывом помочь в создании ячеек ОДН. Общество стало первым помощником ВЧКЛБ в организации и проведении ликбеза.

Долой неграмотность! Этот клич разнесся по всей стране. О нем говорили на митингах и собраниях, он был на плакатах и лозунгах. Почти во всех, даже самых отдаленных губерниях появились газеты «Долой неграмотность». Они рассказывали о том, как люди борются за грамотность, несли в массы лозунги: «К 10-летию Октябрьской революции не должно быть ни одного неграмотного», «Грамотный, обучи неграмотного!»

Отделения общества «Долой неграмотность» в городах и селах возникали чрезвычайно быстро. Инициаторами создания ячеек ОДН были партийные, комсомольские и профсоюзные организации, органы политпросвета, губкомы и уисполкомы, интеллигенция, особенно учительство.

Активное участие в этой работе приняло студенчество. В Москве среди организаторов районных бюро ОДН было 60 студентов, из них 23 коммуниста. Только за несколько месяцев 1924 года более тысячи студентов стали верными помощниками московского общества «Долой неграмотность».

Немало сил затратили члены ОДН на создание материальной базы общества. Средства поступали в виде членских взносов, большие суммы составляли единовременные пожертвования в фонд общества. Первый такой крупный взнос — 10 тысяч червонных рублей — сделала газета «Известия». Центральное правление общества «Долой неграмотность» изготовило 15 тысяч значков. На фоне пятиконечной звезды была изображена развернутая книга. На ее страницах слева был портрет В. И. Ленина, справа надпись: «Долой неграмотность к 10-летию Октябрьской революции». Такие значки распространялись по всей стране. Выручка от их продажи также шла на нужды общества.

Как проводилась работа ОДН? Общество на свои средства открывало пункты по ликвидации неграмотности, обеспечивало их учителями. В 1924/25 учебном году ОДН содержало более 12 тысяч ликпунктов, большая часть которых находилась в селах и деревнях. Отделения общества снабжали ликпункты необходимыми учебными пособиями. В том же учебном году только Донское и Омское отделения закупили для обучающихся граждан 42 тысячи карандашей, 50 тысяч букварей, 1100 учебников, 450 тысяч тетрадей. Члены ОДН вели большую агитационную работу, организовывали дни, недели, трехдневники по ликбезу. Так, в распространении идей общества, в борьбе за ликбез важную роль сыграл проведенный в 1924 году всероссийский майский трехдневник, который прошел под лозунгами: «Все на борьбу с неграмотностью!», «Грамотный, помоги обучить неграмотного, вступи в общество «Долой неграмотность»!», «Что нам осталось еще сделать, чтобы выполнить полностью завет Ильича?»

После майского трехдневника появились новые ячейки ОДН. Кое-где крестьяне вступали в общество целыми селами и деревнями. Борьба за ликвидацию неграмотности разгоралась во всех уголках страны.

...Лесистый Макарьевский уезд Иваново-Вознесенской губернии называли «медвежьим углом». На сотни верст тянулся густой, непроходимый сосняк. Деревни ютились только по рекам Унже, Нее и Немде. Население было редким. Через уезд не проходила ни одна из десяти железнодорожных линий губернии. Связь с

губернией была слабой, зимой она почти совсем нарушалась. Велика была здесь неграмотность. Школы обслуживали немногим более половины детей. Среди взрослых дело обстояло еще хуже. В некоторых деревнях не было ни одного грамотного.

Осенью 1924 года здесь было организовано отделение общества «Долой неграмотность». В него вступили все учителя. Силами ОДН было скомплектовано 32 группы, в них записалось 550 неграмотных крестьян. Обучение велось в школах и крестьянских избах. Общество снабжало группы бумагой и карандашами, кооперация — керосином и лампами, крестьяне — дровами. Вскоре Макарьевское отделение ОДН стало иметь уже два волостных отделения — 23 ячейки, в которых состояло 1063 члена. Ожил «медвежий угол». В него пришло просвещение...

В 1927 году на Всероссийском смотре на лучший ликпункт и ячейку ОДН первую премию — кинопередвижку получила станица Васюринская.

Темнота и невежество царили до революции в этой старинной кубанской станице, в которой проживало 12 тысяч человек. Октябрьская революция внесла и сюда свежую струю, и здесь развернулась борьба за лучшую жизнь. Призыв «Долой неграмотность», принесшийся в 1924 году по всей стране, долетел и до Васюринской. Создалась ячейка ОДН, она связалась с Центральным советом общества, получила от него пособия и книги.

Ячейка быстро росла. Уже через год в нее входило более 800 членов. Членские взносы вносились пшеницей, ячменем, семечками. Вскоре в ОДН вступили кооперация, профсоюз, станичный Совет. Авторитет ее рос, средства накапливались.

Многие станичники охотно шли учиться. Появились такие бойцы за грамоту, как казак Дмитрий Прокуда, который вовлек в школы грамоты более ста человек. Он получил премию: на многолюдном митинге ему вручили дорогой по тому времени подарок — рубаху и отрез на брюки.

Ячейка ОДН работала под руководством партийной организации, пользовалась поддержкой станичного Совета. Формы работы были различными: беседы, театральные постановки. Когда станица отмечала праздник

урожая, по многолюдным улицам в расписных запряженных волами крестьянских арбах разъезжали учителя и активисты ОДН. Они разъясняли цели общества и проводили сборы «на просвещение». Кроме денег станичники жертвовали хлеб, яйца, овощи. Все это сдавали в кооперацию, а деньги шли в кассу ОДН. Рабочие мельниц и маслобоен устраивали воскресники, заработок отдавали ОДН. Средства добывали лотереей, аукционами и даже продажей мороженого.

Члены ОДН старались теснее связаться с жизнью станицы. Так, в избе-читальне наладили справочную работу, во время землеустройства распространяли земельный кодекс и литературу по сельскому хозяйству.

В суровой, сложной обстановке приходилось работать васюринцам. Станичное хулиганье, кулацкие сынки старались испортить дело. Шел парнишка учиться в школу, после трудового дня тащилась за две версты крестьянка на ликпункт — хулиганы подстерегали их, избивали, бросали в них грязью, рвали в клочья буквари и тетради. «Мы вам дадим грамоту, бисовы дети!» — запугивали они учащихся.

Но никакие препятствия не могли остановить почувствовавших силу знания людей. Количество ликпунктов увеличилось до шестнадцати, двенадцать из них содержались на средства ОДН. К октябрю 1927 года в станице из 1230 неграмотных было обучено более тысячи человек. Ячейка ОДН заботилась о том, чтобы окончившие ликпункт не бросали учебы. В библиотеке при избе-читальне каждый малограмотный, прочитав книгу, должен был написать на листке бумаги свой отзыв. Лист этот проверял библиотекарь и сразу же исправлял ошибки.

В те годы таких станиц, как Васюринская, было еще немного. Но жажда знаний и энтузиазм людей, принимавших участие в обучении неграмотных, были так же высоки во многих селах и деревнях.

Большая работа по ликбезу была проделана в эти годы комсомолом, особенно в деревне. Комсомольцы активно работали в ОДН. Например, в Саратовской губернии более половины членов ОДН составляли комсомольцы, за короткое время было открыто в сельских районах свыше тысячи пунктов ликбеза. Стара-

лись не отставать и пионеры. Ребята действовали настойчиво и добивались больших успехов. Так, в одной из школ Архангельской губернии по инициативе пионеров были взяты на учет все избы, где не было ни одного грамотного. К каждой был прикреплен пионер. Он писал крестьянам письма, читал им газеты, рассказывал о работе избы-читальни, обучал грамоте взрослых.

Пионеры нередко обращались за помощью в центральные органы Советской власти. Вот письмо в Наркомпрос из Самарской губернии: «Я мать хочу учить грамоте, но нет букваря. Ходил в избы-читальню, там говорят: все буквари по кружкам даны, а я, как пионер, должен заботиться, чтобы мать была грамотной». Настойчивость мальчика помогла: букварь ему был выслан.

Руководили пионерами комсомол и учителя. В трудных условиях гражданской войны и восстановительного периода передовые народные учителя отдавали много сил делу просвещения. ОДН нашло в их лице верных помощников. Нередко на них ложилась вся тяжесть работы по ликбезу и культурно-просветительной работе.

Большое внимание на основе ленинских указаний партия уделяет борьбе за грамотность среди крестьянства. Состоявшийся в мае 1924 года XIII съезд партии заслушал доклад Н. К. Крупской о культурной работе на селе и обратил особое внимание на ликвидацию неграмотности в деревне. Он предложил использовать новые формы культурного шефства города над деревней, и в частности рабочие общества культурной смычки с деревней, зародившиеся в Ленинграде и получившие распространение во многих городах.

Решения XIII съезда партии были положены в основу работы III Всероссийского съезда по ликвидации неграмотности, который проходил в июне 1924 года. Делегаты съезда единодушно высказались за усиление работы в деревне, одобрив индивидуально-групповую форму обучения.

Одной из разновидностей такой системы являлись так называемые «десятки». К каждому десяти деревенским дворам прикреплялся член ОДН, который обучал неграмотных.

Одной из форм привлечения широких масс к борьбе за грамоту в эти годы были юбилейные однодневники, посвященные годовщинам со дня издания ленинского декрета о ликвидации неграмотности. Так, пятилетие декрета, 26 декабря 1924 года, по постановлению партийных и советских органов решено было провести как большой праздник, как важнейшую политическую кам-

Юные друзья ОДН разносят книги в рабочем поселке

панию. Все партийные организации получили письмо за подписью секретаря ЦК партии А. А. Андреева, в котором им предлагалось принять участие в проведении однодневника, привлечь к этому коммунистов. С самого начала подготовка приняла массовый характер. Проходила она в течение нескольких недель. За это время в партийных ячейках, в профсоюзных клубах, в красноармейских частях, в школах, ликпунктах, среди комсомольцев, женщин, пионеров были прове-

дены вечера и отчетно-агитационные собрания по ликвидации. На вечерах окончившие школу показывали инсценировки, спектакли, распевали агитационные частушки:

Как нам грамота полезна,
Я теперь заметила:
Прочитала письмо мужа,
На него ответила.
Хороша наша деревня,
С поворотом улица.
В школу взрослых походила —
Сразу стала умница.

Обучавшиеся грамоте выступали не только на собраниях. Они писали письма в газеты, в которых рассказывали о себе, о великой силе грамоты.

Поэт А. Безыменский в эти годы так писал о чувствах рабочего, бывшего подпольщика, научившегося грамоте:

Вот он, рабочий, из тех, кто был
Мозгом — огонь, а губами — как рыба.
Пишет — сам пишет! — «Мы не рабы...»
Он в городок из подполья прибыл.
Ухо ему отрубил офицер.
На голове, где седые нити,
Выжгли бандиты
«РСФСР».

Знаю: мучителям глядя в глаза,
Крикнул он: «Смерть буржуазному змею!...»
...Тут же
Огромная повисла слеза
Над первой
Каракулькой
Своею.

В губернии и уезды были разосланы десятки тысяч листовок с призывом учиться грамоте. В деревне не хватало букварей. Н. К. Крупская выдвинула лозунг: «Бросим букварь в деревню!» Он был подхвачен центральными и местными газетами. Многие газеты открыли странички вызовов на пожертвования для закупки букварей. «Рабочая Москва» писала 21 декабря 1924 года: «Каждому неграмотному букварь — посошок в подмогу на широком пути к коммунизму».

26 декабря 1924 года в Москве состоялось торжественное заседание, посвященное пятилетию декрета. Зал

был переполнен. Заседание вел М. И. Калинин. Горячо выступали участники совещания, рассказывая о своей работе и о людях, научившихся грамоте.

Торжественно отмечался юбилей в Ленинграде. Во всех районах на ликпунктах были открыты выставки, прошли праздничные собрания. Готовились к ним с большой выдумкой и интересом. Учащиеся школы грамоты завода «Красный путиловец» сочинили песню, которую они называли «Интернационал безграмотных»:

Ни с кем не знали мы ученья,
Ни с генералом, ни с попом;
Добиться нужно просвещения
Нам своим собственным трудом.

Заводы, фабрики, союзы
Покроем сетью наших школ,
Возьмем себе на помощь ВУЗы,
РКП(б) и комсомол.

Эй, берись за ученье,
Темноту бей с плеча!
Ведь в этом исполнение
Заветов Ильича.

Широко отмечался этот день по всей стране. По 18 губерниям только в городах было проведено 130 собраний, на которых присутствовало более 38 тысяч человек.

Юбилейный однодневник всколыхнул народ, привлёк внимание к ликбезу. Подъем этот следовало закрепить.

В мае 1925 года ЦК партии принял постановление «О работе общества «Долой неграмотность»». Центральный комитет предложил обществу уделить больше внимания работе низовых, особенно деревенских, ячеек, усилить их связь с массами. От партийных организаций ЦК партии требовал помочь ОДН стать центром, объединяющим всю общественную инициативу по борьбе с неграмотностью.

ЦК партии признал необходимым перед началом учебного года созвать съезд общества, на котором обобщить опыт работы, пригласив на него как можно больше низовых деревенских работников, крестьян-культурников, занимавшихся ликбезом. Постановление обязало издательство «Долой неграмотность» выпустить к новому учебному году достаточное коли-

чество букварей, разрезных азбук и методических руководств. Решение ЦК партии имело огромное значение и оказало большое влияние на всю последующую работу общества.

В январе 1926 года собрался I Всероссийский съезд ОДН. На него съехалось более 200 делегатов — учителей, рабочих, крестьян, инженеров. Съезд отметил рост рядов общества, подтвердивший жизнеспособность этой массовой организации. Если в январе 1924 года в обществе было 2000 ячеек и 100 тысяч членов, то в октябре 1925 года — 28 тысяч ячеек и 1600 тысяч членов. Общество своими силами издало 5 миллионов букварей.

Съезд призвал усилить работу в деревне, не допускать, чтобы обученные грамоте забывали то, чему их научили. Решено было увеличить выпуск газет и книг, доступных для малограмотных, открыть больше красных уголков, изб-читален. I съезд ОДН дал лозунг: «Нет члена ОДН без общественной нагрузки».

Общество «Долой неграмотность» не ограничивалось работой среди взрослых. Жизнь предъявляла новые требования, и ОДН расширяло свои обязанности. Постепенно в зону деятельности низовых ячеек попадали подростки, переросшие детскую школу. Ячейки помогали рабочим и воскресным университетам. Оказывали помощь профтехническому образованию.

Борьба за всеобщую грамотность с первых дней Советской власти велась одновременно с борьбой за вовлечение женщин в активную производственную и государственную деятельность. Дело социалистического строительства будет упрочено тогда, говорил В. И. Ленин, когда вместо сотен женщин по всей России в нем примут участие миллионы и миллионы женщин. Коммунистическая партия проделала огромную работу, чтобы выполнить это указание В. И. Ленина.

Труден был в большинстве случаев путь женщины к грамоте: и семья тянула, и муж не пускал, и быт давил. Приходилось и работать, и хозяйство вести, и учиться. В первые годы Советской власти многие женщины работали по найму у кулаков и частных. Им было особенно тяжело. На Всесоюзном совещании

работниц и крестьянок женделегатка Ленинградской области рассказывала, как трудно вовлекать в ликбез батрачек и домашних работниц: «Другая батрачка и пошла бы учиться, да живет у какого-нибудь нэпмана или кулака. Он говорит: «Если ты пойдешь учиться, то не нужна мне, убирайся к черту». Куда же она пойдет в зимнее время, если у нее нет своего колышка, где приткнуться? Ей волей-неволей приходится бросать ликвидацию неграмотности».

Но велика была тяга к знаниям, к свету. За букварь садились и молодые женщины, и старые работницы, и крестьянки, прожившие тяжелую жизнь при царизме.

Как действовало на женщин первое знакомство с советским букварем, рассказывала комсомолка, преподаватель ликбеза М. Бураковская, ныне персональный пенсионер: ««Мы не рабы»,— запинаясь, с великим трудом, еще не осознавая смысла написанного, прочла в первый раз пожилая уборщица тетя Паша. На минуту она подняла голову, задумалась, потом снова прочла то же полушепотом и тогда гордо выпрямилась, подняла узловатый палец и торжествуя, радостно заявила во весь голос:

— Мы не рабы. Вот!

И с этого момента учеба пошла скорее, легче. Всем хотелось как можно скорее научиться читать, раскрывать чудесный смысл написанного в книгах».

Грамотность помогала женщинам развернуть свои творческие способности, открывала им путь к государственной деятельности, помогала разобраться в политике партии и Советской власти.

Писательница Лидия Сейфуллина рассказывала: «Я помню случай, который произошел у нас в Челябинском уезде на одном делегатском собрании. Одна крестьянка, выступая, все время говорила: «От лица нашей партии я предлагаю»,—или: «Призываю от лица нашей партии». Мы же все знали, что она беспартийная. Когда она окончила свою речь, ее односельчанка-коммунистка сказала ей: «Слушай, ты же не состоишь в партии...» Крестьянка горячо воскликнула: «Я теперь грамотная! Как же не состою? Све-кровь поедом ест, записаться не дает. А я отстою. Мне грамота дана для политической сознательности. Не

могу же жить в отбивку от Коммунистической партии». Так от букваря к школе взрослых, от кастрюли к станку, шаг за шагом сотни женщин из узкого мирка домашней работы выходили на дорогу сознательной общественной деятельности.

Занятия в одном из пунктов ликвидации неграмотности в Саратове. 1924 год

В эти годы много сил отдавали борьбе с неграмотностью лучшие, передовые представители русской интеллигенции: В. Бехтерев, В. Маяковский, А. Серафимович, Демьян Бедный, В. Брюсов, А. Неверов и другие. Большой вклад в это дело внес Алексей Максимович Горький. В апреле 1920 года на заседании Петросовета он выступил по вопросу о ликвидации неграмотности, призвав интеллигенцию бороться с бескультурьем и безграмотностью.

М. Горький посещал школы, беседовал с неграмотными, прививая любовь к книге. В 1920 году в виде маленькой книжечки появился очерк М. Горького «Как я учился». Заканчивался он такими словами: «Любите книгу — источник знания, только знание

спасительно, только оно может сделать нас духовно сильными, честными, разумными людьми...»

М. Горький как член ВЧКЛБ часто бывал на ее заседаниях, оказывал помощь в работе. Организованный осенью 1920 года журнал «Долой неграмотность» по инициативе Алексея Максимовича приобрел необычных корреспондентов. М. Горький предложил записывать рассказы обучавшихся грамоте работниц об их тяжелой доле при царизме, о том, что дала им Советская власть. Опубликованные впоследствии в журнале, эти рассказы пользовались большой популярностью, агитировали за грамоту.

Недолго прожил при Советской власти писатель Александр Сергеевич Неверов. Сын крестьянина Самарской губернии, он выбился в сельские учителя, стал учить ребят, отдавая все силы просвещению крестьянства. После Великого Октября начал Неверов писать о революционной деревне, о ее передовых людях. Одолев грамоту где-нибудь в кружке ликбеза, люди с жадностью набрасывались на книжечки любимшегося им писателя. В заваленных сугробами избах-читальнях при свете чадных коптилок читались неверовские рассказы, учились жить крестьяне по-новому, по-советски.

Пять лет Владимир Михайлович Бехтерев, выдающийся русский психиатр и невролог, избирался депутатом Ленинградского Совета, и все эти годы он работал в секции народного образования. Заботила его судьба неграмотных далеких деревень Ленинградской области. В. М. Бехтерев предложил организовать передвижные школы, где преподавали бы учителя, переходящие из одной деревни в другую. В 1927 году Бехтерева не стало, а предложенная им «школа» действовала, несли в деревню знания учителя — «передвижники».

Так с каждым годом усиливалась борьба с неграмотностью. Многие передовые предприятия к концу 1925 года добились того, что все кадровые рабочие получили начальное образование. Некоторые успехи в ликвидации неграмотности были достигнуты и в деревне. В 1925 и 1926 годах по СССР обучалось грамоте около 3 миллионов человек взрослого населения, причем 90 процентов из них приходилось на сельские

местности. Первые шаги в преодолении безграмотности были сделаны и в национальных районах.

Однако положение с ликвидацией неграмотности все еще было тяжелым. В первое десятилетие Октябрьской революции в среднем грамотность в СССР ежегодно увеличивалась на 2,6 процента. Перепись, проведенная в 1926 году, показала, что в стране имелось еще 48,9 процента неграмотных в возрасте от 9 лет.

Что же помешало претворить в жизнь задачу, поставленную XI съездом Советов,— ликвидировать неграмотность в РСФСР к десятой годовщине Октябрьской революции?

Мало было приложено усилий? Недостаточная работа проводилась вокруг ликвидации неграмотности? Нет. Много энергии, энтузиазма вложено было в это дело коммунистами, комсомольцами, передовыми рабочими и крестьянами, лучшими представителями интеллигенции. Но не было еще достаточных сил для решения этой грандиозной задачи. Тяжелая промышленность только еще начала развиваться. Город еще не мог оказать необходимой помощи деревне. В стране не хватало школ, не было осуществлено всеобщее обязательное обучение детей, и многие из них не посещали даже начальную школу. Это приводило к тому, что число неграмотных не сокращалось. Остро ощущался недостаток изб-читален, красных уголков, библиотек и других культурно-просветительных учреждений. Обучавшиеся грамоте часто не имели возможности закрепить полученные навыки в чтении и письме, и все приходилось начинать сначала. А самое главное было в том, что широкие народные массы не поднялись еще на борьбу за всеобщую грамотность. Это произошло позже, в период реконструкции, в годы первых пятилеток, когда быстро начал меняться облик страны и на смену отсталой России пришла Россия социалистическая.

Однако годы восстановительного периода были значительным шагом вперед в деле культурной революции. Накопился опыт, выросли кадры, ставшие в последующие годы основой огромной армии борцов за социалистическую культуру.

ДВИЖЕНИЕ МИЛЛИОНОВ

Надо превратить дело борьбы с неграмотностью, бескультурностью в дело самих трудящихся.

В. И. Ленин

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

К 1926 году страна достигла в основном довоенного уровня промышленности. Закончился восстановительный период. Началась социалистическая реконструкция народного хозяйства. Курс на индустриализацию, провозглашенный в 1925 году XIV съездом ВКП(б), стал генеральной линией Коммунистической партии и советского народа. На основе индустриализации предстояло осуществить и переход к крупному социалистическому земледелию. 2 декабря 1927 года XV съезд ВКП(б) принял решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства.

Программой развернутого наступления социализма по всему фронту явился первый пятилетний план, рассчитанный на построение фундамента социалистической экономики и дальнейшее вытеснение капиталистических элементов в городе и деревне.

Два фронта на пути к социализму — индустриализация и коллективизация — тесно смыкались с третьим — культурной революцией.

В. И. Ленин подчеркивал, что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником культурного переворота. «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...»¹ — указывал он.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 435.

А создание социалистического общества означало вовлечение в строительство миллионов людей, пробуждение их энтузиазма, творческой и политической активности. Необходимо было достичь коренного подъема культурного уровня масс, осуществить воспитание членов общества в духе идей коммунизма, создать кадры новой, советской интеллигенции. А между тем неграмотность тормозила политическое просвещение масс и была орудием в руках классового врага, действовавшего там, где господствовали темнота и невежество.

В области культурного строительства в эти годы одной из первоочередных и неотложных задач стало еще более широкое развертывание работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. В 1927 году СССР по уровню грамотности занимал в Европе 19 место. Особенно велика была неграмотность в деревне (54,8 процента). А это в годы индустриализации влекло за собой и рост неграмотности в городах за счет пришедших из деревень.

За пятилетие было намечено ввести в стране всеобщее начальное обучение, подготовить квалифицированные кадры для всех отраслей народного хозяйства, увеличить число школ и культурных учреждений. Школы ликбеза по СССР должны были закончить 18,2 миллиона человек, в том числе 17 миллионов сельского населения.

По призыву партии в стране с новой силой развернулась огромная работа по ликбезу. Методом ее в эти годы стал культпоход. В основу культпохода было положено указание В. И. Ленина о том, что каждый грамотный должен «...смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных»¹.

Идея культпохода, сыгравшего решающую роль в ликвидации неграмотности, принадлежит комсомолу. Еще в 1920 году, на III съезде РКСМ, В. И. Ленин, обращаясь к комсомольцам, говорил: «Вы знаете, что скоро превратить Россию из темной безграмотной страны в грамотную нельзя; но, если за это дело возьмется Союз молодежи, если вся молодежь будет рабо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 309.

В. И. Ленин среди делегатов III съезда комсомола

тать на пользу всех, тогда этот союз, объединяющий 400 000 юношей и девушек, имеет право называться Коммунистическим союзом молодежи»¹.

И комсомол, с энтузиазмом откликнувшись на этот призыв вождя, показал себя в борьбе с неграмотностью и бескультурьем самоотверженным и надежным бойцом, оправдал свое звание Коммунистического союза молодежи.

В мае 1928 года проходил VIII съезд ВЛКСМ. Съезд объявил поход за культуру, против неграмотности, пьянства и грязи. В решении съезда по вопросу о ликвидации неграмотности было записано:

с 1 августа 1928 года провести месячник ликбеза; мобилизовать 1000 комсомольцев в помощь местным грамоткам (чрезвычайным комиссиям по ликбезу);

каждый грамотный комсомолец должен обучить одного неграмотного;

ликвидировать неграмотность среди членов ВЛКСМ;

провести конкурс на лучшую ячейку ВЛКСМ по участию в работе ОДН и ликбезработе.

Призыв съезда был поддержан партией. В дни работы VIII съезда ВЛКСМ, 13 мая, состоялось объединенное заседание его делегатов, руководителей общества «Долой неграмотность» и Наркомпроса РСФСР, посвященное борьбе с неграмотностью. Зал Большого театра, где проходило это заседание, был наполнен до отказа. За столом президиума — М. И. Калинин, Г. К. Орджоникидзе, А. В. Луначарский.

Что должен делать комсомолец на баррикадах культурной революции? На это просто и убедительно ответил на заседании М. И. Калинин. Надо строить революционную культуру, воспитать нового человека социалистического общества. Начать нужно с элементарной грамоты, с политической грамотности и уверенно, шаг за шагом двигаться дальше. Если все население будет грамотным — это будет гигантский шаг вперед.

Мы ясно видим дорогу, по которой должны идти, говорил в своем выступлении А. В. Луначарский.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 272.

Культурная революция сейчас в центре внимания. Дальнейшее наше хозяйственное строительство неизбежно задержится, если мы теперь же не займемся массовой культурной работой.

На призыв партии и инициативу съезда откликнулись сотни тысяч комсомольцев. Намеченный VIII съездом ВЛКСМ месячник ликбеза вырос в массовый культпоход, длившийся несколько лет — до полной ликвидации в стране неграмотности.

Ликбез был важнейшей, но не единственной задачей культпохода. Вместе с обучением грамоте взрослых участники культпохода добивались, чтобы все дети посещали школу. Велась агитация за чистоту и культуру в быту и на производстве. Культпоход применялся и для ликвидации агро- и технической неграмотности, в постановке дошкольного воспитания, библиотечного дела.

Число комсомольцев, вступивших в отряды ликвидаторов неграмотности, росло с каждым днем. Саратовский, Ленинградский, Казанский, Смоленский, Днепропетровский, Мурманский и многие другие комитеты ВЛКСМ выпустили воззвания о культпоходе за грамоту. Уже к сентябрю 1928 года на работу по обучению взрослых грамоте, главным образом в деревню, поехало значительно больше людей, чем намечалось планом.

ЦК ВЛКСМ совместно с Центральным советом общества «Долой неграмотность» и Главполитпросветом издали однодневную газету «Культурный поход». В ней были напечатаны статьи М. И. Калинина, М. Горького, А. С. Бубнова, Е. М. Ярославского, Н. А. Семашко, М. М. Литвинова, академика В. Е. Ферсмана, а также статьи видных деятелей международного рабочего движения: Марсея Кашена и Сен-Катаямы, рассказ французского писателя Анри Барбюса, фельетоны Д. Заславского, очерки В. Инбер, Н. Погодина, стихи поэтов Н. Асеева, А. Безыменского, А. Жарова. В оформлении газеты принимали участие художники Кукрыниксы. Газета призвала к решительной борьбе с бескультурьем и неграмотностью.

В «Песне о культурном походе», помещенной в газете, А. Безыменский писал:

К оружию, братья! На водку и лень.
На грязь и на тьму
и небрежность к людям!
Сегодня и завтра
и каждый наш день
Мы старые пни выкорчевывать будем.

К ликбезу комсомол привлек всю молодежь. ЦК ВЛКСМ рекомендовал комсомольским организациям завести вкладной листок в комсомольском билете, удостоверяющий, что комсомолец, которому принадлежит этот билет, действительно обучил неграмотного. В областях, краях и республиках были проведены конкурсы на лучшую ячейку культпохода.

Комсомольцы-«разведчики» ходили из дома в дом, чтобы точно учесть всех неграмотных. Комсомольцы подыскивали помещения под ликпункты, нередко предоставляя свои комнаты, собирали средства на буквари и тетради, устраивая субботники, организовывали детские комнаты, чтобы дать возможность матерям посещать занятия, привлекали молодежь на бесплатную ликбезовскую работу, сами обучали грамоте.

Работы было непочатый край! В 1928 году только среди молодежи комсомольского возраста насчитывалось почти 6 миллионов неграмотных, из них 100 тысяч комсомольцев. Ведь сеть начальных детских школ все еще не удовлетворяла запросов населения.

Лозунг «Грамотный комсомолец, найди и обучи одного неграмотного» скоро стал недостаточным. Комсомолец должен был обучить три, пять и десять неграмотных.

..У школьной доски хлопочет молодой учитель-комсомолец — худой, длинноногий Вася Кудряшев в неизменной гимнастерке цвета хаки, с ловко перехваченным через плечо ремнем. Днем он стругает рубанком бревенчатый сруб в мастерской Древлестра, а вечерами с большим усердием обучает своих сверстников. Кудряшев громко говорит, ударяя линейкой по столу:

— Откройте девятую страницу. Читайте, Каверина!

Шестнадцать пар внимательных глаз впиваются в замысловатые строчки.

Таня Каверина, молодая девушка, медленно и неуверенно читает по складам:

— Мы бы-ли ра-бы ка-пи-та-ла...

Дважды запнулась на слове «капитала», щеки запылали багровым румянцем.

В третий раз Таня с натугой, стирая со лба капельку пота, прочла хорошо и внятно.

— Читайте дальше, Кузнецов!

Молодой рабочий с мохнатой шапкой волос на голове крепко забирает воздух широкой грудью и читает певуче и размеренно:

— Ле-нин — наш вождь. За-во-ды на-ши.

После каждого прочитанного предложения комсомолец Кудряшев находит простые слова, поясняющие прочитанное.

— Не сразу заводы стали наши. Пусть старшие расскажут младшим, как они сражались за власть Советов. Кузнецов и Каверина очень молоды, они и городского знают разве по картинке. Они должны знать и помнить, как старшие тяжело боролись за то, чтобы заводы стали наши...

И так повсюду, по всей стране, подобно Кудряшеву, работали сотни комсомольских активистов. Это был настоящий бой за культуру и грамоту. Недаром участников его называли культармейцами. Преодолевая консерватизм отдельных работников, нытье маловеров, бюрократизм и равнодушие, комсомол развертывал борьбу за культуру и грамотность.

Все громче, по-боевому звучали слова: «Долой неграмотность!» В стихотворении «За букварь» поэт Антон Пришелец писал:

По всей стране Советской
Призывный рог поет:
— Эй, вы, кто жили слепо —
В поход! В поход! В поход!
По деревням и селам,
Где притаился мрак,
Несется: — В школу, в школу,
Крестьянин и батрак!

Начатый комсомолом культпоход был активно поддержан партией и всей общественностью страны. М. И. Калинин в сентябре 1928 года писал:

«Великий культурный поход ленинской молодежи и членов ОДН начался. Сотни тысяч комсомольцев, десятки тысяч городских и деревенских культурников

ринулись в бой с нашей культурной отсталостью... Да здравствует великий поход комсомола и ОДН!»

Н. К. Крупская выступила в «Правде» со статьей «Ликбезовская спартакиада», в которой предлагала дело ликбеза организовывать с помощью широкой общественной инициативы, на основе социалистического соревнования:

«Каждый грамотный, обучи неграмотного. Если сам обучать не умеешь, если нет времени, возьми шефство над безграмотным, оплати стоимость его обучения, последи, чтобы у него был букварь, бумага, карандаш, последи, чтобы дело его обучения было доведено до конца».

В. Маяковский откликнулся на начинание комсомола стихотворением «Всесоюзный поход»:

Строй
 зместо
 пижоновских див
культуру,
 — свою! —
 коллектив.
Поднимай,
 братва,
 по заводам гул,
до корней
 дознайся с охотою
Кто дает на ремонт —
 и какую деньгу,—
где
 и как
 деньгу расходуют.
На зверей бескультурия —
 охота.
Комсомол, выступай походом!

Исполкомы, профсоюзы, общество «Долой неграмотность», Наркомпрос, кооперация, различные общественные организации под руководством партии создали единый фронт культпохода.

Культпоход изо дня в день охватывал новые районы, привлекал десятки тысяч трудящихся. Создавались штабы по руководству культпоходом из представителей партийной, профсоюзной, комсомольской, советской и ОДНовской общественности.

Первыми наиболее активно развернули работу город Саратов и Бауманский район Москвы.

По всесоюзной переписи 1926 года грамотность населения Саратова, центра Нижне-Волжского края, была 86,6 процента (в возрасте 16—50 лет). Перепись населения, проведенная в городе в начале первого года культпохода, показала, что за два года грамотность повысилась ничтожно мало — менее чем на 0,2 процента. В 1929 году, после первого года культпохода, грамотность сразу возросла до 90,3 процента. В 1931 году Саратов — родина «саратовского опыта» по борьбе с неграмотностью, пионер культпохода — стал первым в СССР городом сплошной грамотности. Впереди Саратова во всем мире шли только Берлин и Прага. Таких темпов в борьбе с неграмотностью еще никто не достигал.

Как же саратовцы добились этого? Была найдена гибкая система культпохода. Создали стройную централизованную организацию — сеть особых комиссий по ликвидации неграмотности — от окружной, а потом и краевой, при исполкомах, до комиссий при домоуправлениях. До этого в Саратове, как и всюду в стране, работа по ликбезу была распылена: ее вели изолированно друг от друга и органы народного образования, и ОДН, и профсоюзы, и кооперация. Получался разнობой, а от этого страдало дело. Теперь все партийные, советские и общественные организации и учреждения действовали согласованно. Особые комиссии осуществляли непосредственное руководство ликбезом. Город был разбит на участки. Во главе каждого участка — организатор, в помощь ему — консультант, методист и группа общественных преподавателей. На службу ликбеза привлекались все библиотеки, клубы, театры.

Ограничив первоначально свою задачу пределами города и десятикилометровой полосой вокруг него, организаторы саратовского культпохода принялись за формирование армии ликвидаторов. Было подсчитано, что кроме 500 организаторов и 250 методистов необходимо еще не менее 3 тысяч бесплатных преподавателей. Нужно было найти около 3 тысяч помещений для занятий, обеспечить школы и группы учебными пособиями. Малoverы говорили, что все это неразрешимые проблемы.

Началась разъяснительная кампания. В печати и

специально изданной газете «В атаку», в докладах и сообщениях по радио, на собраниях и митингах внимание всего населения обращалось на нужды культпохода. Ликвидация неграмотности стала обязанностью всех организаций. Каждый завод, фабрика, каждый дом взялись за то, чтобы у них не осталось ни одного неграмотного, не записанного в школу.

По решению краевого комитета партии участие всех вузов, техникумов и старших групп девятилеток в осуществлении плана ликвидации неграмотности рассматривалось как обязательная практическая работа. Интеллигенция и рабочие, партийные и беспартийные вступали в ряды культармейцев. Армия культпохода росла из месяца в месяц. В 1930/31 учебном году она насчитывала 4705 человек. Костяк ее составляли коммунисты и комсомольцы.

Нелегко было найти помещения под ликпункты. Но и здесь саратовцы нашли выход. Ликпункты размещались не только в детских школах, но и в помещениях партийных и комсомольских ячеек, месткомов, в красных уголках, в квартирах, добровольно предлагаемых населением. Пионеры помогали собирать по квартирам и разносить обратно стулья и столы, следили за чистотой.

Надо было привлечь самих неграмотных. И саратовцы сделали все, чтобы дать неграмотным возможность учиться. Для работниц, которым не с кем было оставить детей, устроили детские комнаты и ясли. На многих предприятиях и в домах для тех, кто учился, организовали отпуск продуктов без очереди. Для учащихся устраивали лекции, вечера художественного чтения, организовывали библиотеки-передвижки, врачебные и юридические консультации, открывали культурные чайные на окраинах города, создавали кружки художественной самодеятельности из самих неграмотных. По понедельникам в городском театре специально для учащихся школ ликбеза бесплатно ставились лучшие пьесы. Кинотеатры в воскресенье утром и по понедельникам вечером также работали бесплатно для учащихся ликпунктов.

Трудно было выяснить, где и сколько неграмотных. В этом помогла саратовская милиция: при прописке приезжих неграмотные отмечались отдельно, о них

немедленно сообщалось в саратовское ОДН и местный политпросвет.

При широком участии в культпоходе общественности сравнительно легко разрешился и финансовый вопрос. На культпоход в 1929 году по бюджету было выделено 19 тысяч рублей, а добровольных пожертвований поступило на 180 тысяч.

Недостаток средств восполнялся инициативой трудящихся. Нередко можно было видеть такую картину. По улице идет человек с кружкой и пачкой букварей, а за ним — представитель особой комиссии по ликбезу; первый предлагает купить букварь в пользу культпохода, а второй просит пожертвовать купленный букварь на нужды ликпункта или школы малограмотных. В фонд культпохода на фабриках, заводах и в городе проводились субботники. Комсомольцы организовывали платные выступления художественной самодеятельности.

Поход возглавила партийная организация города. При окружке и Саратовском горкоме партии были созданы политические комиссии — тройки, в задачу которых входило привлечение партийных сил и руководство ими в работе по ликбезпоходу. Партийные комитеты заслушивали доклады штабов и комиссий содействия ликбезу. То же практиковалось и на собраниях партийных ячеек. Каждый коммунист имел определенную обязанность по ликбезу. Участие в культпоходе рассматривалось как ответственное партийное поручение. Инициатором этого выступил Саратовский коммунистический университет имени В. И. Ленина. Весь состав партийной организации университета включился в работу по ликбезу.

Нелегко давалась победа саратовским энтузиастам культпохода. Далеко не все понимали важность борьбы с неграмотностью. Некоторые профсоюзники бурно протестовали против того, например, чтобы деньги профсоюза текстильщиков расходовать на деревообделочников. Препятствий было много, но все они были преодолены.

Накануне 1 мая 1930 года Нижне-Волжский краевой штаб культпохода организовал экскурсию-массовку в Москву. Свыше шестисот учащихся ликбеза и культармейцев — рабочих, работниц, колхозников из

Саратовского, Вольского, Хоперского и других округов поехали в красную столицу, чтобы вместе с московскими трудящимися принять участие в Первомайских торжествах и поделиться опытом с бауманцами. Большинство экскурсантов первый раз в жизни были в этом городе, многие впервые ехали по железной дороге.

28 апреля в Москве на Саратовском вокзале поезд был встречен культармейцами Бауманского района, представителями ВЧКЛБ. А 30 апреля во Дворце труда состоялся «Вечер смычки бауманского и саратовского отрядов культармейцев». Собрание приветствовала Н. К. Крупская. «...Саратовцы сумели поставить дело ликвидации неграмотности так, как оно не поставлено ни в одном округе,— говорила она.— Саратовцы и бауманцы прокладывают новые пути в культпоходе».

Затем выступил нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов. «Смычка бауманцев и саратовцев,— сказал он,— для нас ценна тем, что она является смычкой двух передовых отрядов, которые сумели показать блестящий образец организации культурной революции...»

1 мая экскурсанты участвовали в Первомайских торжествах, шествуя отдельной колонной по улицам столицы и Красной площади. Они посетили в Москве фабрики и заводы, музеи и театры.

Одновременно с саратовцами решительную борьбу с неграмотностью начал Бауманский район Москвы. Как и в Саратове, ликбезпоход здесь строился на привлечении добровольцев-общественников. В штаб культпохода, в 56 комнату дома № 20 на улице Маркса, ежедневно являлись сотни людей и предлагали свои силы и знания в помощь ликбезу.

...В двух комнатах райкома комсомола, где помещается штаб культпохода,людно и шумно. По одному и группами непрерывно идут сюда люди, чтобы доложить о проделанной работе и получить новое задание. Ожидая своей очереди, два паренька обмениваются между собой впечатлениями.

— Знаешь, я на своем участке уже достал пять помещений для школы. А неграмотных у меня 65 человек. Самое трудное, кажется, сделано...

— Это цветочки, а ягодки впереди,— тушит уверенность первого другой.— Мне, друг, пришлось два часа уговаривать одного рабочего, чтобы он дал жене учиться. Сам, говорит, иду, а если жена еще пойдет, кто мне обед приготовит? Еле уломал.

В другой комнате работает комиссия по отбору ликвидаторов неграмотности. Здесь раньше давались консультации по туризму. Сейчас в этой комнате даются указания, как работать на Благуше, в Лефортове, Черкизове. Три этих участка — самые неграмотные в Бауманском районе.

Комиссия по отбору устраивает пришедшим опрос:

— Вы посланы?

— Я доброволец...

Добровольцев большинство. Основной костяк ликбезпохода — и здесь коммунисты и комсомольцы. Ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ Бауманского района послали на ликбезработу 200 лучших организаторов. Местком Наркомпроса РСФСР выделил 60 инструкторов-методистов.

Район был разбит на 220 участков во главе с ответственными организаторами. Штаб культпохода имел в своем распоряжении 895 ликвидаторов, которые направлялись во вновь организуемые школы. Культармейцы агитировали за привлечение неграмотных на ликпункты, вовлекали людей в члены ОДН, оказывали помощь участковым организаторам, подыскивали помещения, следили за посещаемостью, собирали средства на ликбез.

Ячейка ВЛКСМ при школе имени Радищева создала школу ликбеза в своем районе, набрала 200 неграмотных и организовала их учебу.

Силами общественности района вновь было организовано 67 детсадов, 27 дворовых площадок, 72 вечерние комнаты для детей при ликпунктах. К занятиям с детьми привлекались пионеры, студенты педтехникумов, женделегатки. Были собраны детские книги, игрушки. Матери получили возможность спокойно ходить на ликпункт.

Нелегко приходилось бауманским культармейцам. Подавляющая масса неграмотных с охотой шла в ликпункты, но некоторая часть встречала ликвидаторов недружелюбно. В Сыромятниках, где жили мо-

сковские ломовики, комсомольцев, явившихся переписать неграмотных, облили горячим кипятком. На Благуше на них натравливали собак. Мужья не пускали жен учиться.

— Не дам Настюшу портить. Научится писать и мужа не будет слушать! — кричал один из них.

Молодых культурников не впускали в дома, осыпали бранью. Но это не останавливало энтузиастов. Шаг за шагом, преодолевая трудности, беря с боем один участок за другим, они широким фронтом успешно наступали на неграмотность.

Только за 1928/29 учебный год культпохода 18 тысяч неграмотных в Бауманском районе научились читать и писать. Это было в 36 раз больше показателей предыдущего года!

Опыт Саратова и Бауманского района Москвы поражал размахом работы. Ведь раньше число обученных не превышало одной-двух сотен в год. А теперь дело шло об обучении десятков тысяч.

Центральный Комитет ВКП(б) одобрил опыт саратовцев по борьбе с неграмотностью. ЦК ВЛКСМ и редакция «Комсомольской правды» в специальном обращении к саратовским и бауманским комсомольцам приветствовали их инициативу. Массовый ликбез в Саратове и Бауманском районе Москвы заставил заговорить о себе всю страну. Успехами саратовцев и бауманцев, их опытом заинтересовались во всех областях и республиках.

Работа по ликбезу успешно развернулась также в Центрально-черноземной области, Среднем Поволжье, Сибири, на Урале, Северном Кавказе, Украине. Накапливаемый культпоходом опыт обобщался, делался достоянием все большего числа городов и районов страны.

30—31 октября 1928 года в Москве состоялось совещание авангарда культурного похода, созванное Центральным советом ОДН. В нем приняли участие представители ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ЦК профсоюза работников просвещения, ВЧКЛБ, многочисленные делегации с мест. Участники совещания заслушали и одобрили доклад «О саратовском культпоходе» и обсудили новые формы работы, возникшие в движении за грамотность.

В ноябре 1928 года агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) созвал совещание руководителей культпохода. Совещание высказалось за дальнейшее проведение культпохода и вовлечение в него еще более широких масс города и деревни.

25 января 1929 года в Колонном зале Дома Союзов собрался II Всероссийский съезд ОДН. Съезд открыл кратким вступительным словом М. И. Калинин. С докладом «О культурной революции и общественности» выступил А. В. Луначарский. Съезд призвал к расширению и укреплению рядов ОДН, к развертыванию культпохода, особенно в крестьянских и национальных районах. «Ни одного предприятия, учреждения, совхоза и колхоза, ни одной избы-читальни без ячейки ОДН и школы ликбеза» — таков был призыв.

17 мая 1929 года ЦК партии принял постановление «О работе по ликвидации неграмотности». В нем признавалось необходимым «...коренным образом перестроить всю систему работы на основе результатов накопленного опыта и добиться планомерной организации всей работы по ликвидации неграмотности на основе единого плана, объединения сил и средств широкой самостоятельности всех организаций, принимающих участие в ликвидации неграмотности».

Центральный Комитет обратил главное внимание на работу среди сельского населения, женщин, а также в восточных республиках, областях и среди национальных меньшинств. В постановлении рекомендовалось широко использовать новые формы работы: организацию при городских и сельских Советах групп содействия по ликбезу, общественные смотры работы школ, конференции неграмотных, шефство грамотных над неграмотными, различные формы политико-просветительной работы при ликбезе. ЦК указывал также на необходимость больше внимания уделять приспособлению форм обучения, программ, учебных пособий и методов к условиям труда и быта неграмотных.

ЦК ВКП(б) предложил партийным, советским, профсоюзным организациям, а также ОДН решительно усилить темп ликвидации неграмотности, обучая в первую очередь в городе индустриальных рабочих, а в деревне — батрачество, рабочих совхозов, сезонников, бедноту, членов колхозов.

Государственному издательству поручалось обеспечить своевременный выпуск и удешевление букварей, учебников, а также художественной и общественно-политической литературы.

Значительно увеличивались в дополнение к бюджетным средствам отчисления на ликвидацию неграмотности и малограмотности из фондов профсоюзов и кооперативов.

Постановление партии явилось программой дальнейшей работы по ликбезу на основе передового опыта культпохода. Оно помогло объединить усилия партийных, советских и общественных организаций в борьбе за всеобщую грамотность трудящихся страны, превратить эту борьбу во всенародное движение и сократить сроки ликвидации неграмотности.

18 мая 1929 года XIV Всероссийский съезд Советов в резолюции по докладу о текущих задачах культурного строительства также предложил местным Советам установить особый контроль за выполнением пятилетнего плана ликвидации неграмотности взрослого населения.

В июне 1929 года состоялся IV Всероссийский съезд по ликбезу. Работа съезда проходила совместно с расширенным пленумом Центрального Совета ОДН. Впервые авангард культпохода собрался на таком крупном совещании. Съезд принял решение развернуть социалистическое соревнование по ликвидации неграмотности и обратился с вызовом к предстоящему Всеукраинскому съезду по ликбезу о заключении договора на соцсоревнование между РСФСР и УССР.

6 июля 1929 года ЦК ВЛКСМ в постановлении «Об участии комсомола в ликвидации неграмотности» обязал каждого комсомольца участвовать в этой работе.

Так с каждым годом все активнее разворачивалась борьба за ликбез, усиливалось руководство ею со стороны общественных организаций. Ни одна конференция, ни один съезд советских и общественных организаций не проходили в это время без доклада о ликбезе. Для объединения сил и средств на местах создавались особые комиссии по ликвидации неграмотности и малограмотности. В одних областях и краях они находились при отделах народного образования, в дру-

гих — при исполкомах, в третьих — при партийных комитетах. Это создавало пестроту в организационном построении культпохода. 26 января 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР постановлением «Об особых местных комиссиях по ликвидации неграмотности и малограмотности» установили, что эти комиссии образуются при краевых (областных), окружных и районных исполнительных комитетах, в городских и сельских Советах из представителей партийных, советских и общественных организаций. Эти комиссии проводили теперь всю работу по ликбезу на основе единого плана.

Таким образом, культпоход, начатый комсомолом, приобретал все более организованный характер.

Большое значение для развертывания дальнейшей работы по ликбезу имели решения XVI съезда партии, состоявшегося в июне — июле 1930 года. Это был съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, во всех областях экономики и культуры. Отмечая некоторые успехи в осуществлении культурной революции в стране, съезд призвал усилить темпы культурного строительства и принял решение, в котором указывалось, что «проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидации неграмотности должно стать боевой задачей партии в ближайший период»¹.

После XVI съезда лозунг «Ликвидация неграмотности и всеобщее начальное обучение» стал боевым лозунгом каждого культармейца.

В сентябре 1930 года в Москве состоялось V Всероссийское совещание по ликвидации неграмотности. Оно обсудило вопросы общественно-политического воспитания учащихся школ ликбеза и пути дальнейшего усиления темпов работы. Вместо Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности совещание решило создать Всероссийский штаб по ликвидации неграмотности при Наркомпросе. На совещании был утвержден генеральный договор между организациями, принимающими участие в ликвидации неграмотности. Это имело большое значение, так как

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», М., 1954, ч. III, стр. 19.

договор давал единый план действий всех участников культпохода.

Культпоход был немыслим без повседневной массовой агитации. Разъяснительная работа среди неграмотных велась всюду: на предприятиях, в клубах, садах и парках, театрах и кинотеатрах. Использовались самые различные средства: печать и радио, лекции и доклады, индивидуальные беседы и собрания-митинги, спортивные парады и демонстрации, лозунги и плакаты. Устраивались радиопереклички по ликбезу — краевые, республиканские, городские. Организовывались массовые вечера «За грамотность».

Важное место во всей агитационно-разъяснительной кампании было отведено дню «За грамоту и учебу». В этот день организовывались шествия по улицам городов, карнавалы под лозунгом: «Ни одного неграмотного и малограмотного вне школы грамоты». Проводились массовые митинги, устраивались киносеансы, выступления физкультурников и художественных самодеятельных кружков, спектакли кукольных театров. Были организованы передвижки-эстрады, агитповозки, радиопередвижки, трамвайные агитвагоны.

Всюду были лозунги и плакаты:

«Ликвидация неграмотности — кровное дело трудящихся».

«Поголовная ликвидация неграмотности и малограмотности — залог скорейшего развития индустриализации и коллективизации сельского хозяйства».

«Трактор и букварь расчищают почву для коллективизации деревни».

Поэты сочиняли лозунги-четверостишья:

Долой тьму
И невежества груз!
Ликвидируй неграмотность,
Профсоюз!
Неграмотность —
Бремя Страны Советов.
Рабочий! Крестьянин!
Помни об этом!

Вся огромная работа по ликвидации неграмотности могла быть осуществлена только при активном сотрудничестве печати. Статьи и фельетоны, частушки и карикатуры, рассказывающие о культпоходе, не схо-

дили со страниц многих газет и журналов. Выпускались и специальные центральные и местные журналы и газеты, освещавшие ход борьбы за грамоту. Особые областные (краевые) комиссии по ликвидации неграмотности, или, как их называли, штабы культпохода, выпускали бюллетени и однодневные газеты. Немало

Пионер помогает учиться матери

внимания ликбезу уделяли многотиражки. Большую помощь оказывали цеховые стенгазеты. В каждой из них имелся обычно отдел «На фронте борьбы за грамотный завод».

Ликвидация неграмотности методом культпохода давала возможность шире, чем это делалось раньше, привлечь к ликбезу пионеров и школьников. В письме редакции журнала «За грамоту» пионер Андрияша Секатов в 1928 году писал:

«Дорогие товарищи! Я пионер, хочу попросить несколько пособий для взрослых неграмотных, так как желаю обучить 10 человек в своей деревне, которые решили быть грамотными, и я надеюсь обучить этих людей. Прошу выслать 10 букварей, 20 листов бумаги и 10 карандашей.

Мой адрес: станция Шахунья, Нижегородской губ., Ветлужского уезда, Хмелевицкой вол., деревня Малая Муза».

Редакция журнала выслала пионеру все, что он просил.

Детская коммунистическая организация, насчитывавшая в 1929 году около 2 миллионов человек, была активной силой культпохода. Пионеры проводили перепись неграмотных и малограмотных, убеждали их идти в ликпункты, вывешивали в цехах списки или особые плакаты на станках тех рабочих, которые еще не учились; вели борьбу с отсевом из ликпунктов. Нередко с котомками за плечами пионеры и школьники путешествовали из села в село, ведя перепись или обучая неграмотных. С большой настойчивостью они упрашивали своих отцов и матерей, старших братьев и сестер учиться, сами обучали их. Активные книгоноши-пионеры немало помогали борьбе с рецидивом неграмотности: окончивших ликпункты терпеливо убеждали читать приносимые книги, втягивали их в библиотеки и клубы, организовывали громкие читки.

В 1929 году только в РСФСР неграмотных подростков в возрасте 12—16 лет насчитывалось почти 4 миллиона, из них 158,5 тысячи в городе, а остальные в деревне. У одного обуви не было, другую заставляли малышей нянчить, у третьего учебные пособия не на что было купить. Пионерские организации брали шефство над ними: обучали на дому, собирали средства для оказания материальной помощи.

Так с каждым днем все больше и больше людей привлекалось к борьбе за грамоту, все больше неграмотных садилось за букварь, чтобы овладеть великой силой — знаниями.

ОГНИ СОРЕВНОВАНИЯ

В. И. Ленин не раз говорил о том, что элементы соревнования нужны и в политико-просветительной работе. Культпоход и явился выражением социалистического соревнования масс в их борьбе за грамотность и культуру.

Соревнование по ликбезу разгоралось между цехами и заводами, городами и областями, между республиками. В соревнование вступали ячейки ОДН, колхозы, культбригады, штабы культпохода. Устраи-

вались соревнования на организацию ликпунктов и инициативу в ликбезработе, на лучшую посещаемость и успеваемость.

Методы соревнования были самые разные: ударничество, взаимная проверка, культпост, культштурм, ликбезовская спартакиада, сквозные ударные бригады, общественный буксир.

Журнал «Культпоход» и культштаб Бауманского района Москвы в 1930 году организовали массовое движение за встречный культплан. Контрольные цифры культпохода были пересмотрены, повышены.

3 ноября 1930 года на московском заводе «Красный богатырь» состоялось заседание Центрального совета общества «Долой неграмотность». Присутствовало более 1500 рабочих. Слушался отчет бригады ЦС ОДН, ездившей проверять выполнение договора на соревнование между ОДН РСФСР и украинским обществом «Геть неписьменность». Арбитром были газеты «Правда» и «Коммунист».

Как отметила бригада ЦС ОДН РСФСР, договор с обществом «Геть неписьменность», заключенный в 1929 году, был выполнен. Культпоход, начавшийся под руководством ЦК КП(б) Украины, увеличил ряды украинского ОДН с 195 тысяч человек в 1929 году до 1 миллиона в 1930 году. Было обучено 575 162 неграмотных вместо 536 032 по плану.

В июне 1929 года был подписан договор на соревнование по ликбезу между Северным Кавказом и Сибирью. Эти районы обязались обучить по 450 тысяч неграмотных и 90 тысяч малограмотных, для этого привлечь к работе 50 тысяч человек и иметь ячейку ОДН в каждом сельском Совете, совхозе и крупном колхозе.

Вовлечь в учебу более миллиона взрослых людей, включая семейных и особенно женщин, обеспечить их общественными преподавателями, учебными пособиями, наконец, помещениями для ликпунктов, и это за какие-то несколько месяцев,— дело, разумеется, не из легких. Однако обязательства были выполнены. По окончании зимней учебы сибирская делегация проверила ликбезовскую работу Северо-Кавказского края. Съездила в Сибирь и делегация Северного Кавказа. Результаты обсуждались краевыми партийными организациями и Советами. Первенство в соревновании

было признано за Северным Кавказом. Здесь занималось больше рабочих и колхозников.

Осенью 1930 года почти повсеместное распространение получила культэстафета как одна из форм соревнования. По типу спортивной эстафеты она имела свой «старт» и несколько «маршрутов». Первым «маршрутом» была борьба за всеобщ. Вторым — ликвидация неграмотности. Были и такие «маршруты», как повышение технических знаний рабочих, перестройка культработы, борьба за политехническую школу.

Каждый «маршрут» разбивался на ряд последовательных заданий. Так, например, «маршрут» по всеобщу должен был: выявить всех неграмотных детей и закрепить их по школам; создать фонд для ребят, нуждающихся в помощи; своевременно обеспечить школы учебными пособиями; закрепить комиссии всеобща на предприятиях.

Основная ячейка культэстафеты — предприятие с прикрепленным к нему участком жилтоварищества. Для руководства культэстафетой создавалась оперативная пятерка. В районе руководство осуществлялось районным оперативным штабом культэстафеты.

После старта движение по культэстафете начиналось сразу же по всем маршрутам. Культэстафета вносила конкретность и последовательность в действия каждого отряда и культармейца, определяла точные сроки выполнения определенного вида работы.

Идею создания культурной эстафеты выдвинули комсомольцы Хамовнического района Москвы. Она была поддержана МК ВЛКСМ и ЦС ОДН. Главное руководство взял на себя областной штаб культэстафеты при Московском отделе народного образования.

3 августа 1930 года был дан старт культэстафеты Красной Пресни. В Зеркальном театре состоялось многолюдное собрание. Затем дали старт Хамовники, Замоскворечье.

...Площадь «Смычка» в Парке культуры и отдыха. Реют красные полотнища. Всюду боевые лозунги: «В Хамовниках неграмотность должна быть ликвидирована», «Обеспечим успех всеобщего обязательного обучения»...

Сюда после окончания рабочего дня стали стекаться колонны демонстрантов. Они шли под звуки оркестров, с песнями, знаменами и плакатами.

На старте была вручена эстафета. Упор делался на всеобуч и ликбез. Рабочие «Электросвета» заявили: «Мы обязуемся добиться того, что «Электросвет» будет действительно «Электросветом», а не «Электротью»».

«Обязуемся выполнить решения XVI партсъезда,— сказали рабочие фабрики «Красная Роза»,— ликвидировать неграмотность, послать детей учиться в школы».

После митинга культбригады разошлись каждая по своим участкам, чтобы выполнить полученные на старте задания...

Инициативу московских комсомольцев поддержали Наркомпрос РСФСР и ЦК ВЛКСМ. 30 сентября 1930 года они приняли решение о проведении Всероссийской культэстафеты, старт которой был дан на заключительном заседании V Всероссийского совещания по ликбезу. По маршруту ликбеза Всероссийская культэстафета имела четыре задания:

Первое — вовлечь в учебу 9 миллионов неграмотных и 5 миллионов малограмотных, добиться высокого качества работы школ грамоты.

Второе — подготовить трехмиллионную культурную.

Третье — связать ликбез с выполнением промфинпланов, колхозных планов, с обеспечением программы третьего года пятилетки.

Четвертое — оказать помощь национальным меньшинствам в ликвидации неграмотности.

Первые рапорты о включении во Всероссийскую культэстафету были получены из Владимира, Ярославля, Саратова, Сталинграда, Перми и Туркменистана.

Однако при ее проведении допускались и ошибки: спешка, шумиха, элементы командования — от этого страдало качество работы.

Но на ее основе развернулось соревнование между коллективами за переходящее Красное знамя культэстафеты, за первенство между цехами и культбригадами, за лучший грамотный цех, за право быть на Красной доске.

Индустриализация страны, реконструкция народного хозяйства на базе новой техники со всей остротой поставили задачу ликвидировать неграмотность и малограмотность среди рабочих. Без этого невозможно было освоение новой техники, непрерывно поступающей на заводы и фабрики, а тем более новых видов производств.

Коммунистическая партия и Советское правительство в годы реконструкции развернули огромную работу по повышению общеобразовательного и культурно-технического уровня рабочего класса. На крупных заводах были созданы комбинаты рабочего образования, которые охватывали последовательно всю систему подготовки рабочих кадров — от ликбеза до вуза. Всюду работали технические кружки, курсы, проводились дни технической учебы. Росло количество школ фабрично-заводского ученичества. В 1931 году на многих предприятиях начала входить в практику сдача общественно-технического экзамена, получившая широкое распространение в последующие годы.

Большой размах в эти годы приняла борьба за грамотность рабочих. Боевыми штабами на предприятиях стали особые комиссии по ликбезу. Они, как правило, состояли из самых активных и авторитетных рабочих. Состав таких комиссий обсуждался бюро партийных и комсомольских ячеек, фабкомом, рассматривался на цеховых и даже общих собраниях завода, фабрики. Каждый цех выделял своего уполномоченного или организатора по ликвидации неграмотности, который входил в общезаводскую комиссию по ликбезу и являлся постоянным ее помощником. Цеховые, а затем общезаводские собрания по предложению комиссии выносили постановления, обязывающие неграмотных немедленно записаться в школу ликбеза.

Кое-кто из неграмотных и малограмотных рабочих отнекивался: «Я сорок лет прожил без грамоты, обойдусь и дальше». Таким рабочим терпеливо разъясняли, что техника завода, технология производства будут развиваться, и это потребует повышения культурности рабочих, поэтому малограмотный или неграмотный рабочий не сможет успешно справиться с работой.

Заводские комиссии по ликбезу вели учет всех неграмотных и малограмотных. Списки вывешивались в цехах. Большую помощь в работе комиссий по ликбезу оказывали комсомольцы. Они следили за посещаемостью учащихся, создавали специальные отряды «легкой кавалерии» для проверки учебы.

О работе по ликбезу среди промышленных рабочих и их семей можно судить на примере Ленинграда и Ярославля.

После XVI съезда партии, летом 1930 года, город Ленина, рабочим которого принадлежит идея Дня индустриализации, социалистического соревнования, ударничества и встречного плана, стал в авангард борцов за сплошную грамотность. За три месяца была создана 28-тысячная культармия энтузиастов-добровольцев. В течение зимы 1930/31 года в Ленинграде было обучено 34 тысячи неграмотных и 112 тысяч малограмотных, в то время как год назад обучалось всего 36 тысяч неграмотных и малограмотных. К 1 мая 1931 года Ленинград стал городом сплошной грамотности.

Наступление началось с Дня культпохода. Развернулись беседы в обеденный перерыв, летучки-митинги после работы, выступления агитбригад областного штаба культпохода, вечера в рабочих клубах.

12 августа, в День всеобща и ликбеза, «Ленинградская правда» и молодежная газета «Смена» посвятили свои передовые культпоходу. Многотысячным тиражом вышла однодневная газета «За всеобщее обучение и ликвидацию неграмотности». В клубах и Доме просвещения состоялись «Вечера культпохода». Кое-где они вошли в систему и им отводилось специальное место в плане работы клубов.

Театры и кинотеатры устраивали в фойе выставки, посвященные культпоходу. Организованная на заводе «Красный треугольник» живая газета ОДН и театр ОДН исколесили весь Ленинград. Бригада театра «Темп» сделала передвижную ликбезвитрину, которая демонстрировалась на многих предприятиях города.

В дни культпохода некоторые районы выпускали листовки-обращения от райсовета, райкома ВКП(б) и ВЛКСМ и райштаба культпохода ко всем партийным, комсомольским и профессиональным организациям,

ко всем трудящимся. Издавались также однодневные районные печатные газеты по культпоходу. При отстающих предприятиях, в жактах создавались контрольные и дозорные посты, которые информировали общественность о состоянии дел.

Широкое распространение получили красные и черные доски. Занесенное на черную доску отстающее предприятие или район попадало под особое наблюдение. Его крепко критиковали. Это заставляло общественность взяться по-боевому за ликвидацию неграмотности. Так, например, участковый штаб культпохода Петроградского района выпустил несколько тысяч ярко-зеленых, бьющих в глаза плакатов:

**«ЗАВОД «ЭЛЕКТРОПРИБОР» НА ЧЕРНОЙ ДОСКЕ
ЗА СРЫВ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ»**

Они были расклеены на самом предприятии и в вагонах трамвая. Это задело рабочую гордость заводского коллектива. Стремление не уронить честь завода помогло в короткий срок наладить работу по ликбезу.

На заводе «Электроаппарат» на общезаводской конференции по итогам культсмотра одному из цехов, провалившему работу по ликбезу, была преподнесена сделанная культармейцами — студентами Института пролетарского искусства черепаха. После этого коллектив цеха активно взялся за ликвидацию неграмотности.

В некоторых районах были выставлены большие доски с данными о ходе культэстафеты, учреждены переходящие премии для передовиков. Заводы «Светлана» и «Красный треугольник», перевыполнившие план по ликбезу, были объявлены краснознаменными предприятиями и получили переходящие Красные знамена.

В 1931 году в Ленинграде в социалистическом соревновании по ликвидации неграмотности участвовало 240 предприятий, 113 жактов и 2120 школ и групп ликбезов. В городе насчитывалось 11 тысяч ударников-культармейцев.

Велась большая разъяснительная работа с неграмотными. Широко практиковались «вечера чашки чая» неграмотных и малограмотных. Приглашение «на чашку чая» рассылалось от имени партийной органи-

зации, фабзавкома и дирекции предприятий. За такой «чашкой чая» в непринужденной, домашней обстановке, в беседе по душам удавалось договориться с неграмотными, убедить их взяться за учебу. «На чашку чая» приходили старые большевики, политкаторжане, которые рассказывали о своих «университетах» в тюрьмах и ссылке, о великой борьбе партии за свободу и права простых людей.

Очень широко была развита система премирования. Экскурсии, путевки в дома отдыха, театральные билеты, выписка за счет штабов газет для начинающих читать, книг для малограмотных — вот далеко не полный перечень премий лучшим учащимся и культармейцам.

В декабре 1931 года рабочие ленинградских заводов «Красный путиловец», «Большевик», «Красная заря» обратились ко всем трудящимся страны с призывом в кратчайший срок полностью ликвидировать неграмотность на предприятиях. «Неграмотность и малограмотность — враги пятилетки и большевистских темпов — должны быть добиты», — говорилось в обращении.

Призыв рабочих Ленинграда нашел горячий отклик по всей стране. Конференция ударников Ярцевской фабрики не только приняла вызов ленинградских заводов, но и дополнила его своими встречными планами. Трудящиеся Белоруссии ответили на это обращение формированием ударных бригад ликбеза.

Хороший пример в борьбе с неграмотностью показал и Ярославль. «Борьба за грамотность — борьба за пятилетку в четыре года» — под этим лозунгом осенью 1930 года трудящиеся Ярославля начали кампанию за ликбез. В завершении ликбеза здесь решающую роль сыграла «путевка грамотности». Она дала возможность быстро проверить состояние ликбеза во всех низовых звеньях города, посадить за букварь упорно отказывающихся от учебы и прекратить отсев из групп.

Вот форма «путевки грамотности» одного из предприятий города — фабрики «Красный перекоп»:

«Семафор грамотности открыт.

Проверим, кто как выполнил ленинский декрет по ликбезу от 26 декабря 1919 г.

«Путевка грамотности».

Наша область — накануне объявления себя областью сплошной грамоты. Наша фабрика должна включить себя в число грамотных фабрик. Ни одного неграмотного до 50 лет не должно быть у станка.

«Путевка грамотности» дает право на звание грамотного комплекта. Настоящая путевка должна быть проверена в комплекте, обсуждена на общем собрании комплекта тех, которые не имеют неграмотных до 50 лет вне учебы. Водитель путевки — треугольник.

1. Перечислите фамилии рабочих, которые ликвидировали неграмотность к 1 мая 1931 г.

2. Перечислите рабочих неграмотных, которые сейчас обучаются в школе ликбеза.

Мы заверяем Коммунистическую партию, горсовет и всех трудящихся, что в нашем комплекте неграмотных до 50 лет нет.

Подписи.»

Вопрос о «путевке грамотности» обсуждался на собраниях рабочих коллективов. Рабочие устанавливали сроки, когда путевка должна вернуться обратно заполненной. Во дворе фабрики на видном месте был выставлен «семафор грамотности» с красной доской и щитом, поясняющим его значение.

В дни «путевки грамотности» многие учащиеся ликбеза подавали заявления с просьбой принять их в партию.

К 18 июня 1931 года коллектив текстильного гиганта — фабрики «Красный перекоп» не имел ни одного неграмотного.

Лучшей активисткой по ликбезу на фабрике была О. А. Философова. В детстве Ольге было не до ученья — надо было заботиться о куске хлеба. — Так и осталась она безграмотной. После революции она одной из первых записалась в ликпункт, выучилась грамоте, потянула за собой неграмотных товарищей по цеху. В группе ликбеза Ольга Алексеевна стала лучшей активисткой. Будучи председателем ячейки ОДН, она сколотила крепкий актив и с его помощью развернула широкую массовую работу в цехе. Ячейка ОДН вовлекла трех человек в партию и 10 молодых рабочих — в ВЛКСМ. Ольга Алексеевна создала из семи лучших активистов ударную группу — производ-

ственную бригаду ОДН, которая систематически перевыполняла промфинплан. После окончания школы грамоты она продолжала работать культармейцем, создавая ячейки ОДН и организовывая группы ликбеза. Проводя работу на своей фабрике, Философова одновременно помогала в этом и горсовету ОДН. Она комплектовала буксирную бригаду, с которой выезжала

Занятия по ликбезу на заводе

на отстающие участки. Ударная бригада Ольги Алексеевны три раза премировалась городскими организациями.

«Путевка грамотности» прошла по всем предприятиям и учреждениям Ярославля. В школах ликбеза города наблюдалось небывалое явление: в самый разгар лета прекратился отсев из школ, поднялась посещаемость и дисциплина.

К 27 июня 1931 года в Ярославле из 150 тысяч жителей в возрасте до 50 лет было всего лишь 150 неграмотных.

Ленинград и Ярославль внесли немало оригинального в опыт борьбы за всеобщую грамотность. Но они не были исключением. Москва, Иваново, Баку, Гроз-

ный, Краснодар, Ростов-на-Дону, Самара, Новосибирск и другие города также успешно вели работу. В итоге ее уже к концу первой пятилетки среди индустриальных рабочих неграмотность была ликвидирована.

ШТУРМ НА СЕЛЕ

Начавшись в городе, культпоход развернулся в деревне, особенно в период массового вступления крестьян в колхозы. Лозунг «За грамотный колхоз» стал боевым лозунгом весенне-посевной кампании 1930 года.

Это не было делом случайным. Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1929 года в своем решении подчеркнул, что ликвидация неграмотности является необходимым условием успешного развития колхозного строительства. В свою очередь коллективизация создала условия для успешного завершения ликбеза.

...В колхозе имени 8 марта Аксеновского сельсовета Ивановской области председателем выбрали энергичную, волевою женщину Тростину Аксинью Кузьминичну. Но когда выбрали, записали в протокол: «Временно, потому что неграмотна».

Тростиной было и боязно, и обидно. Боязно потому, что не надеялась справиться с такой сложной, ответственной работой: ведь неграмотная. А обидно потому, что выбрали-то ее временно.

— Трудно поначалу работать мне было, — рассказывала она потом. — Надо отчет составить, бумажку какую-нибудь написать, в кассовой книге записать, а я не умею. Со всяким пустяком ходила к учительнице. Стало легче, когда научилась читать, писать и считать. И работа пошла лучше.

А учиться грамоте Аксинье Кузьминичне было нелегко. У ней шесть ребятишек, за ними смотреть надо, да и колхозной работы всегда хоть отбавляй.

Колхозная экономика, особенности колхозного производства заставили выучиться не одну только Аксинью Тростину. Молодая девушка Дарья Тростина окончила сначала школу малограмотных, потом поступила на курсы трактористов и вернулась в колхоз трактористкой. После этого многие ее подруги тоже пришли в школу для взрослых и сказали:

— Учите нас быстрее. Скоро будет набор на курсы трактористов, так чтобы к этому времени мы были грамотными.

Переход от старого крестьянского земледелия к новому, социалистическому требовал повышения культуры и образования людей. Культпоход должен был способствовать этому. Партия и правительство поставили задачу: превратить районы сплошной коллективизации в районы сплошной грамотности.

В марте 1930 года ВЦИК, ЦС ОДН, Наркомзем и Колхозцентр обратились ко всем сельсоветам, правлениям колхозов, работникам земотделов, организациям ОДН и культармейцам с призывом усилить борьбу с неграмотностью среди колхозников. «Темпы ликвидации неграмотности,— говорилось в обращении,— не только не должны отставать от темпа коллективизации, но они должны его превзойти — в этом одна из важнейших задач по социалистическому переустройству деревни».

Опорой партии в этом стали сельские Советы. Они непосредственно отвечали за работу по ликбезу в деревне. Основная тяжесть ликбезовской работы ложилась на ячейки ОДН, которые имелись почти в каждом селе.

Наиболее успешно культпоход проходил в районах сплошной коллективизации. Колхозы брали на себя расходы по ликбезу, освобождали членов артели на 2—3 часа в день для учебы, выделяли премиальный фонд для лучших ликбезников; для женщин, посещающих ликпункты, организовывали детские комнаты. Колхозы обеспечивали школы помещениями, оборудованием, отоплением и освещением.

Усилилась в эти годы и роль города в социалистическом переустройстве деревни. С началом коллективизации рабочие промышленных предприятий установили постоянную живую связь с деревней, особенно в ликбезработе. Выполнялось ленинское указание о том, что городской пролетариат должен быть проводником коммунистических идей в деревне, помощником партии в перевоспитании крестьянства, нести грамоту в крестьянские массы. И передовые рабочие-коммунисты, особенно двадцатипятидесятники, были организаторами борьбы с темнотой и невежеством на селе.

Широкий размах в эти годы приняло шефство крупнейших промышленных предприятий над сельскохозяйственными районами, деревнями, колхозами. Так, например, над Центрально-черноземной областью (ЦЧО) шефствовали заводы «Серп и молот», «Красный выборжец», «Красный путиловец», «Динамо», «Красная Этна». Как правило, ячейки ОДН фабрик и заводов брали шефство над ячейками ОДН шефских колхозов.

За время культпохода заводы, фабрики, вузы, крупные учреждения послали в деревни не одну тысячу бригад культармейцев. В период весенне-посевной кампании 1930 года посылка таких бригад в районы сплошной коллективизации приняла массовый характер. Культбригады посылались в деревню чаще всего на месяц. Помимо организации ликпунктов, подготовки организаторов и ликвидаторов из местных кадров они вели и другую культурно-просветительную работу: читали лекции, проводили беседы, помогали работе изб-читален, красных уголков. В состав культбригад обычно входили не только организаторы ликбеза, но и методисты, инструкторы по сельскохозяйственной технике, врачи, агрономы.

Рабочим, проводившим свой отпуск в деревне, вручалась памятка, состоящая из 12 заповедей. В ней указывалось, что рабочий, отдыхая в деревне, должен принять активное участие в организации культурной работы, и в первую очередь в налаживании учебы неграмотных.

Комсомол привлек для помощи ликбезработе в деревне отпускников — комсомольцев и учащихся. Студент-отпускник также получал памятку из 10 заповедей. Она начиналась так: «Будь организатором массовой работы по ликбезу».

Деревне была оказана и значительная материальная помощь. Шефы посылали литературу, учебники, тетради, помогали в ремонте и оборудовании школ.

Одним из замечательных явлений культпохода в деревне явилась небывалая активность самих крестьянских масс. Молодежь и пожилые, мужчины и женщины, учащиеся школ, особенно комсомольцы и пионеры, учителя, местная общественность все активнее включались в культпоход, в борьбу за грамоту.

Крестьяне предоставляли под ликпункты свои дома, привозили в школы топливо и керосин; путем самообложения, участия в субботниках и разного рода сборов они создавали фонды культпохода.

Культармеец Василий Золин в своем блокноте записал:

12 ПРАВИЛ

**СТОЯЩИХ
ПЕРЕД
РАБОЧИМ,
ПРОВОДЯЩИМ
СВОЙ ОТПУСК
В ДЕРЕВНЕ**

1. Приехав на место, надо узнать имеется ли ячейка ОДН, зарегистрироваться в организации и взять на себя какую-нибудь часть ее работы.
2. Если ячейки нет, то надо принять меры к ее организации. Надо для этого связаться с местными культурными учреждениями, с избой - читальней, школой.
3. Взять на учет всех окончивших школы грамоты и малограмотных.
4. Разбить их на группы по 3—5 человек и прикрепить к каждой группе по одному из активных членов, который в летний период вел бы ее своей группной работу по чтению газет и книг.
5. Всех малограмотных обеспечить газетой.
6. Организовать консультацию для малограмотных.
7. Добиться, чтобы все просветительные учреждения деревни взяли на учет всех неграмотных и малограмотных и повели с ними работу.
8. В дни отдыха помогать устраивать вечера за грамоту, сопровождая их по возможности киносеансами.
9. Помогать работе книгонош, помогать красным чтениям и рассказчикам в их работе на крестьянских сборных пунктах.
10. Участвовать в организации экскурсионной работы.
11. Помогать в создании комиссий по ликвидации неграмотности при сельсоветах: там, где возможно, помогать организовывать воскресные школы грамоты для батраков и батрачек.
12. Развернуть широкую агитационную работу за вступление в ряды ОДН.

Памятка рабочим, проводящим свой отпуск в деревне

«Сошлись граждане. Председатель открыл собрание. Я сообщил собранию о целях и задачах культпохода. Внимательно слушали. Прерывали репликами. Позади оживленно говорили.

— Все это верно,— выделился один крестьянин.— С этим можно согласиться. В самом деле. К примеру я. В колхоз вошел. Часто требуется написать, прочитать, подсчитать что-нибудь. Не умею. Не знаю. И много нас. Куда ни плюнь — в неграмотного попадешь. Куда это годится?.. Предлагаю всем учиться...

Вышел парень лет двадцати семи.

— Я так думаю, что агитировать здесь не приходится. Надо прямо к делу переходить. Неграмотность — наше совместное горе. Тут вот сзади говорят, что мало помощников прислали. Оно, может, и верно.

Но ведь, товарищи! Мы сами должны провернуть это дело.

Собрание постановило:

«Всех неграмотных и малограмотных всякими способами подвергать агитации, а ежели таковая не подействует, незамедлительно штрафовать в размере 10 рублей».

— Это уже зря, штраф-то,— сказал кто-то.

— Ничего. Работать — так уж работать по правилу».

Конечно, и трудностей было много. Здесь немало было таких, которые считали, что они вышли из возраста, чтобы изучать азбуку. Многие из тех, кто хотел учиться, не могли посещать ликпункт, особенно многодетные женщины. Не хватало бумаги, карандашей, учебников. Опытные педагогические кадры насчитывались единицами. Ликбезу всячески мешало кулачество и духовенство.

Но, несмотря ни на что, все больше крестьян склонялось над книжками и тетрадками.

Л. Римский в одном из своих очерков о культпоходе в деревне писал:

...Подъезжаем к селу. Протяжный лай овчарки. Заевавшаяся бабка у колодезных журавлей. Полтора десятка дворов. Глушь.

— Где тут обучают грамоте народ? — справляемся у бабки.

— Вон Бубликова дом, спросите Михаила Сергеича. Он сам учит.

У крыльца приземистой хаты нас приветливо встречает высокий мужик в облезлом кожухе без шапки. Волосы треплются по ветру, в глазах любопытство.

— Кто у вас тут главный ликвидатор?

— Да я самый. Бубликов Михаил Сергеевич. Милости прошу дорогих гостей в дом.

Вошли в теплую и чистую хату.

...Бубликов говорит о ликпункте, о грамоте, которая совершает чудеса и открывает даже слепым глаза, о коллективе, где людям будет легче жить, о колхозе «Новая жизнь», где он избран в правление. О себе человек говорит весьма скупой и сдержанно:

— Окончил народную школу, в германскую войну был в кавалерии на австрийском фронте, сражался

под Волочином, брал Львов. В Красной Армии работал в ревтрибунале, дрался с Деникиным под Орлом, шел с тяжкими боями на Фатж и Тимы, подступал к Харькову.

В середине декабря прошлого года, когда в деревне началось культурное половодье, открыл у себя в хате ликпункт, добровольно обучает одиннадцать неграмотных парней и девушек.

...При нас ровно в 4 часа собрались ученики в хату к Бубликову. В пять минут избу заполнили краснощекие молодые девчата и безусые парни... Каждый принес табуретку, свели два стола вместе и чинно уселись рядом, уткнув головы в раскрытые книжки. Перед уроком Бубликов жаловался: нет классной доски, мало тетрадей, нет карандашей.

В напряженной тишине начался урок. Бубликов ходил вокруг, держа в вытянутой руке букварь «Красный пахарь», и, отрубая слова, диктовал:

— Пишите, ребята: «Праздник Октябрьской революции». Написали? Пишите: «Улица волнуется. Шумит, гремит она». Как говорю, так и пишите. «Идет, течет по улице народная толпа».

Белокурая Настя, в платочке с цветными крапинками, крепко нажала на карандаш, и на слове «течет» мосполиграфская продукция сломалась. Учитель ножом-самобрежкой быстро очинил карандаш, и Настя продолжала писать.

— Пишите: «Кругом знамена красные, как маковые цветы».

Бубликов весьма своеобразно пояснил ученикам значение прописной буквы:

— Как начинаю диктовать, пишите всегда с большой буквы, а потом уже идут маленькие.

Потом началось чтение. Читает, глотая слова и смущаясь от волнения, востроносая Варя, но от не привычки у нее танцуют буквы бешеным галопом, а строки прыгают одна через другую. Вот почему она неожиданно прочла:

— Ки-ло нитки 54 копейки, катушка масла 6 копеек.

Сосед громко расхохотался и начал было поправлять. Но Бубликов грозно бросил в его сторону.

— Ванька, не забивай! Пусть сама доползет!..

Узнав, что мы приехали из самой Москвы, Бубликов старательно расправил пушистые усы и, размахивая правой рукой величиной с добрую сковородку, говорил на прощанье, скупое роняя слова:

— Уж вы нас, товарищи дорогие, извиняйте, что так бедно учим. Мы народ небогатый. Каждый в школу идет со своей скамейкой. Вот не хватает доски с мелом — умножение делать с ребятами. Похлопочите за ради бога, чтобы не забыли нас».

Широкое распространение в деревне получили самообязательства по ликбезу, а также план-приговор сельского схода о ликвидации неграмотности.

Инициатива плана-приговора принадлежит Псковскому округу, применявшему его с большим успехом в 1930 году. Опыт псковщины был перенесен на всю Ленинградскую область, а затем получил распространение во многих районах страны.

В обсуждении плана-приговора участвовали все. Сами жители обязывали неграмотных учиться, а грамотных стать культармейцами. Общественность контролировала весь ход работы по ликбезу. За непосещаемость занятий неграмотные отвечали перед собранием деревни или колхоза. В плане-приговоре кроме фамилий тех, кто должен учиться и учить, указывалось также, кто из жителей деревни должен обеспечить ликпункты помещением и дровами. Для контроля за выполнением плана-приговора выделялся специальный контрольный пост.

Какие результаты дал культпоход в деревне, можно видеть на примере Нижне-Волжского края и Центрально-черноземной области.

В 1931 году Нижне-Волжский край стал первым в стране краем сплошной грамотности. Если в 1927—1928 годах, к началу культпохода, процент грамотности в крае составлял 43,8 процента, то к 1 мая 1931 года грамотность достигла 97,3 процента. Нижняя Волга догнала по грамотности такие страны, как Англия, Франция и Америка. За победу в ликбезпоходе Наркомпрос РСФСР и пленум Центрального штаба ликбеза присудили Нижней Волге республиканское Красное знамя.

Почему же удалось достичь таких успехов? Прежде всего потому, что на борьбу за грамоту партийные

организации подняли широкие массы. 88 тысяч человек приняло здесь участие в культпоходе.

15 декабря 1930 года крайком партии объявил культштурм. Было мобилизовано все грамотное население. Каждый населенный пункт разбивался на двадцатидворки во главе с организатором по ликбезу. Комсомольские организации создавали в сельсоветах «посты тревоги», которые вели наблюдение за работой и в случае прорыва «били тревогу».

Между районами, сельсоветами, деревнями и селами, двадцатюдворками, отдельными культармейцами заключались договоры на социалистическое соревнование. Выбирались комиссии по их проверке. Все принимающие участие в штурме объявили себя ударной армией культфронта.

Большое внимание культштурму уделяла печать. В краевом двухнедельном журнале «На культурном фронте» печатались статьи и советы по самым разным вопросам борьбы за ликбез. Для учащихся ликпунктов и культармейцев кроме журнала «По заветам Ленина» в крае издавались также специальные газеты: «Азбука», «За грамоту», «Вперед». Большими тиражами выходили брошюры, плакаты, листовки. Были организованы радиопереклички. Из городов в 6 тысяч населенных пунктов 76 районов края выехали штурмовые бригады, в которых участвовало семь тысяч человек. Бригады получали конкретные задания. Вот как, например, проходил культштурм в одном из районов.

...Просторный клуб Михайловки заполнен членами партии и комсомольцами. Идет собрание. Люди разных возрастов бурно обсуждают положение дел. Принимается решение: из числа членов партии и комсомольцев по Михайловке выделить 105 организаторов, руководителей политчаса и культармейцев. Задача штурма неграмотности должна рассматриваться как боевая задача партийной организации. Для оперативного руководства культштурмом создаются районный и сельские штабы. Шестнадцать приехавших из центра организаторов направляются в наиболее ответственные сельсоветы.

До начала культштурма по всему району прошли собрания партийных и комсомольских ячеек, колхозников, женщин, членов профсоюзов, учащихся. Комсо-

мольцы и пионеры вывесили на улицах более трех тысяч лозунгов. Было мобилизовано 1000 общественных учителей, 500 вербовщиков, 400 организаторов и примерно столько же руководителей политшкол.

9 января 1931 года объявили по Михайловке «Днем штурмовой тревоги», 10 января — «Днем штурмового ударника».

В «День штурмовой тревоги» бригады культармейцев выявляли неграмотных и малограмотных, агитировали крестьян вступить в ОДН, выписывать журналы, проверяли участие учреждений в культштурме. В этот же день, вечером, свыше 300 культармейцев собрались на «Вечер тревоги», где заключили договоры на социальное соревнование по культштурму между участками и двадцатидворками.

«День штурмового ударника» открылся демонстрацией с призывом решительной борьбы с неграмотностью. После демонстрации на участках состоялись инструктивные совещания.

Через каждые 5—8 дней секретари партячеек, председатели сельсоветов и колхозов отчитывались о ходе культштурма. Вопрос о культштурме ставился и на пленумах райкома партии, райисполкома, на районном съезде Советов. Состоялось два районных слета по культштурму.

Верным помощником была районная газета «Колхозная правда». Она давала целые страницы с живыми, боевыми, запоминающимися шапками, печатала сводки-пятидневки. Были созданы бригады селькоров. Не меньшую пользу культштурму принесли стенгазеты. В районе не было ни одного сельсовета, который в своей стенгазете не давал бы материалов о штурме неграмотности. Во многих сельсоветах выпускались специальные газеты.

Через 40 дней упорной работы штурмовая бригада, прибывшая из краевого центра, покинула Михайловский район. Задание было выполнено.

Умело организованный в Нижне-Волжском крае культштурм дал хорошие результаты. Учиться начали почти все неграмотные и малограмотные. Закрепление штурма стало систематической помощью города деревне. Культармейцы держали постоянную связь с закрепленными за ними сельскими районами.

Успешно проходил ликбез и в Центрально-черноземной области. Здесь уже весной 1930 года обучалось 1 248 695 человек, в десять с лишним раз больше, чем в 1927/28 году.

Еще в 1929/30 году общее количество неграмотных в Центрально-черноземной области в возрасте от 9 до 40 лет составляло 3 миллиона человек. Два миллиона с лишним взрослых неграмотных и 900 тысяч неграмотных подростков и детей на 11 миллионов населения области — это подлинное бедствие!

Окружком партии создал ударные партийные группы — бригады по ликбезу и направил их в сельские районы. Сотни тысяч рабочих, служащих, студентов добровольно ехали в деревню культармейцами. Козловский округ отправил на село 7500 культармейцев, Курский — 8 тысяч, а Орловский — 9 тысяч.

В работу были втянуты и крестьяне. Около 15 тысяч грамотных крестьян-общественников работали с неграмотными. И это в прошлом сермяжном, лапотном крае с сошкой, гнусавым богомольем, ладаном, в крае, доведенном до голодного отчаяния «милостью» помещиков и царя.

Крестьяне нередко сами, добровольно выносили решения об обязательном обучении грамоте. Вот одно из них:

«Протокол общего собрания неграмотных женщин с участием мужчин, как неграмотных, а также и хорошо грамотных, по деревне Кондратьевке Звягинцевского сельсовета. Повестка дня: О сплошной ликвидации неграмотности.

П о с т а н о в и л и:

Привлечь все грамотное население к обучению грамоте согласно постановлению окрисполкома. Неграмотных, не охваченных ликпунктами, разбить по участкам и прикрепить к ним групповодов. Постановили произвести сбор в пользу ликвидации неграмотности, кроме того, выделить 1 гектар из пустопорожней земли».

Каждый хотел чем-нибудь помочь делу ликбеза. Крестьяне мастерили столы, красили сажей доски, чтобы на них можно было писать мелом, устраивали занятия в своих домах. Целые села вступали в ряды

ОДН. Находилось много добровольцев, желавших обучать неграмотных. В Чермошнянском сельсовете групповода Никулина спросили:

— Сколько у тебя неграмотных учится?

— Да мало, только четыре.

— А почему же ты больше не возьмешь?

— Да нету, уже всех неграмотных расхватали.

Эти культармейцы-добровольцы с удивительной добросовестностью и ответственностью относились к своей работе. Культармеец Кононенко из Драчевского сельсовета рассказывал: «Помещение дала одна женщина бесплатно. Оборудования никакого не было. Ученики устроили складчину, купили досок, сбили столы и лавки, купили лампу. Отапливают школу сами ученики. Сами же убирают по очереди».

Во 2-м Шанинском сельсовете Борисоглебского округа насчитывалось к концу 1929 года 250 неграмотных. Решили обучить их в один год своими собственными силами. Но как людей обучать, если они разбросаны по восьми участкам и каждый участок находится в 3—4 километрах друг от друга? Как их собрать вместе, если нет помещений, ходить далеко, а многие неграмотные женщины имеют на руках грудных детей? Хотя задача и не из легких, но разрешена она была просто: неграмотных стали обучать по месту жительства. Было создано 38 групп. Крестьяне выделили 40 человек наиболее грамотных односельчан и прикрепили к каждому из них по шесть неграмотных.

Учились грамоте с необычайным энтузиазмом. Приходили в морозы и вьюгу за 3—5 километров. В. М. Науменко в брошюре «За сплошную грамотность» так рассказывал о Курском округе:

«В долгие зимние вечера, в погоду и непогоду, почти через каждые 10 дворов до полуночи светятся огоньки.

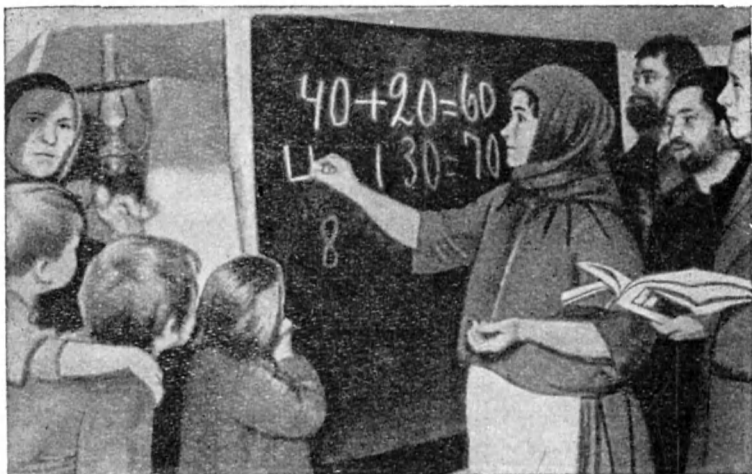
За сдвинутыми столами и лавками — взрослые ученики и ученицы. Помимо учащихся в этих школах постоянно теснятся «гости», зачастую старики.

Сидят они тихо, в сторонке; любопытно наблюдать за чтением по букварю, за писанием.

Они всегда оказывают помощь: кто соломою печку протопит, чтобы заниматься было тепло, кто зачинит

сломавшийся карандаш, кто сходит узнать, почему тот или другой из учащихся в группе на занятия не пришел.

Бывают случаи, когда какой-нибудь бородач тут же решает на пятом-шестом десятке лет своей жизни испробовать силу грамоты и, склонив мохнатую голову к столу, начинает вместе с другими учащимися корявыми пальцами выводить огромные, неуклюжие буквы.

Ликпункт в одной из деревень Центрально-черноземной области

— Весь свой век ходил в темноте, дай хоть на старости лет увижу! — конфузливо говорил он.

Часто заходят в эти школы «председатели по неграмотности» проверять посещаемость. Во многих местах обязанность по проверке посещаемости была возложена и на сельских исполнителей.

В деревне Скотской один такой «исполнитель» — богатырского роста, бородатый человек — водил приехавшую из центра бригаду вечером по деревне и показывал хаты, где занимаются группы.

Шагая по изрытой ухабами дороге, рассказывал:

— Вот здесь муж свою жену обучает, но его сейчас дома нет. На собрании, в школе...

У нас весь народ обучается. Задачу такую поставили, чтобы к 1 мая весь народ грамоте обучить. Больше по группам учатся. Есть также индивидуалистов 12 человек. Это больше женщины, которые с сунками...

Зашли в одну хату. Хозяин уже занимается с женой. У нее на руках ребенок. На столе букварь, тетради. В переднем углу, заслонив иконы, висит азбука.

— Жене все буквы сам написал. Теперь она понемногу читает. Разговоры разные с ней ведем... Раньше, бывало, по каждому делу ругается... А теперь ничего — понимать стала...

В другой хате крестьянин обучает 10 человек, в том числе и свою жену. Жена так увлекается писанием, что никакого внимания не обращает на плачущего в люльке ребенка. Муж-культармеец продолжает диктовать и в то же время качает ногой люльку».

Трудно себе представить всю ту бедность, грязь, невежество, в которых жил при черносотенных помещиках народ по деревням, по «медвежьим углам» в Курском округе. «И этот округ,— писала Н. К. Крупская в предисловии к книге В. М. Науменко,— который и зэмли-то имеет выпаханные до крайности, и тракторов-то получает мало, где нет никаких нераспаханных целин,— этот округ поднялся и без всяких особых ассигнований, без особой помощи центра, своими силами ликвидировал безграмотность, обучает 140 тысяч неграмотных».

Коммунистическая партия пробудила у крестьянина-труженика страстное стремление к новой жизни. И это вдохновляло людей, рождало массовый энтузиазм.

К СВЕТУ И ЗНАНИЯМ

Наступление на бескультурье и неграмотность шло по всей стране, захватывая и национальные районы и республики.

Царское самодержавие было палачом и душителем нерусских национальностей. Проводимая им политика национального гнета обрекала народы окраин на экономическую и культурную отсталость.

«Посмотрите на карту РСФСР,— писал В. И. Ленин.— К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-

на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹.

При царизме многие народности не имели даже письменности на родном языке. Школ не было совсем или имелось очень мало.

Великая Октябрьская социалистическая революция разорвала тяжелые оковы социального и национального гнета, ярким светом озарила жизнь многочисленных народов, населяющих Россию. В поэме «Бег времени» великий акын Казахстана Джамбул с гневом и горечью говорил о том, что в дореволюционном прошлом «повязку невежества на глазах с обидой носил кочевник-казах». И вот грянула революция:

Народ мой из нор вековых и берлог,
Из вечных могил, из холодных берлог
Вышел за Лениным в октябре
На самую солнечную из дорог.

Коммунистическая партия, неуклонно проводя ленинскую национальную политику, объединила все народы страны в единую семью, поставила цель — ликвидировать фактическое неравенство ранее угнетенных народов, создать в национальных районах промышленность и все условия для развития культуры.

Проходивший в 1921 году X съезд РКП(б) в решении «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указал, что задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам нерусских национальностей догнать ушедшую вперед Центральную Россию, развить у себя печать, школу, театр, культурно-просветительные учреждения на родном языке, создать широкую сеть курсов и школ для подготовки местных кадров квалифицированных рабочих, партийных и советских работников.

Почти сплошная неграмотность населения национальных республик и областей делала ликвидацию

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 328.

неграмотности основной и важнейшей задачей всей культурной работы в этих районах.

Кульптоход в национальных районах выдвинул новый вид шефства: шефство передовых районов над отсталыми. Так было на Кавказе: комсомол Шахтинского округа шефствовал над комсомолом Северной Осетии, город Грозный — над Чеченской областью, Васюринская ячейка ОДН — над Адыгеей. В национальные районы направлялось и значительное число культбригад из центральных промышленных областей. Специальные бригады культармейцев столицы выезжали в Башкирию, Туркмению, на Северный Кавказ.

Формы шефства были самые различные: поездки с кинопередвижками и докладами, помощь в организации школ грамоты, распространение газет и книг, а главное — подготовка общественных преподавателей.

Работа велась в трудных и своеобразных условиях.

...На огромных пространствах от побережья Белого моря до Берингова пролива небольшими поселками расселились народы Крайнего Севера. Поголовная неграмотность, шаманство, болезни, дикие пережитки в быту — такой была их жизнь до революции.

Годы Советской власти в корне изменили облик Севера. Здесь выросли крупные промышленные районы, сотни рабочих поселков и городов, начало развиваться морское и речное судоходство, осваиваться авиационные линии. Коренные изменения произошли и в быту. Советская власть спасла народности Севера от вымирания. Объединение в артели помогло развитию их экономики и культуры. Впервые в этих краях появились врачи и учителя. Возникла письменность на родном языке.

Вот что писал один из учащихся школы взрослых Хатангского района Восточно-Сибирского края: «Раньше мало-мало читал по-русски и совсем плохо писал. Одной страницы хватало на весь день. Пока читаешь, так вспотеешь, что будто гнал лося по глухой тайге три дня и три ночи. Язык не ворочается в последках-то, делается как деревянный. А по-своему, т. е. по тунгусскому языку, понятия не имели, что есть какие-то буквы. Сейчас узнал не только о буквах, а уже свободно читаю на родном языке. И язык не

устаёт, и лучше как-то работает во рту. Теперь поеду в колхоз, буду ликвидировать неграмотность на родном тунгусском языке среди своих колхозников».

С каждым годом все большее число взрослых садились за книгу. Если в Ненецком округе в 1924 году с большим трудом можно было отыскать грамотного ненеца, то уже в 1934 году четвертая часть населения умела читать и писать. В этом округе удачным типом школы для взрослых в особых условиях края явились школы-интернаты. Для школы-интерната отводилось специальное помещение, состоящее из учебной комнаты, общежития и красного уголка. У людей появлялась тяга к знаниям. Навейное шаманами недоверие к школе постепенно исчезло. Теперь ненец, приезжая за сотни километров в факторию, охотно оставался на несколько месяцев в школе-интернате.

В большинстве национальных округов Севера появились техникумы. Был создан Институт народов Севера. Студенты-выпускники этого института в 1936 году писали:

«...Наши отцы и не мечтали о том, чтобы учиться, овладевать культурой. Наши матери и думать не могли, что забитая прежде женщина далекого Севера станет полноправной гражданкой своей Родины. Разве мы сами могли бы получить образование, если бы не социалистическая революция, не партия, не Советская власть? Это они дали всем народам право на труд и на образование...»

В 1938 году в Институте народов Севера обучалось 355 студентов, кроме того, около 1200 человек из народов Заполярья училось в различных вузах и техникумах. Так менялся облик одной из самых отсталых областей страны.

Темнота и бескультурье, болезни, почти абсолютная неграмотность — вот был удел Калмыкии при царизме.

При Советской власти десятки тысяч семейств получили возможность бросить кочевье. Вместо прежних 13 миссионерских школ с 629 учащимися были построены сотни советских, открыты школы колхозной молодежи, сельскохозяйственные и кооперативные техникумы, профшколы и совпартшкола, сеть курсов по подготовке национальных кадров.

Исключительно важное значение имело создание на основе латинского алфавита национальной формы письменности.

В 1930 году по решению Нижне-Волжского краевого и Калмыцкого областного комитетов партии началась подготовка к решающему походу за грамотную Калмыкию. Она проходила под руководством специально созданной крайкомом партии так называемой «калмыцкой комиссии». В Саратове, Сталинграде, Астрахани открылись курсы руководителей культпохода. В короткий срок в Калмыкию было послано 4700 человек.

В крае развернулось социалистическое соревнование за лучшее проведение помощи в культпоходе Калмыкии. Каждый город стал шефом одного из улусов.

Поход начался 3 мая 1931 года. Движение возглавил областной штаб культштурма, руководимый обкомом партии. Культштурм Калмыцкой автономной области заключался не только в ликвидации неграмотности. Надо было вовлечь в учебу всех детей, ввести латинизацию письменности, переобучить грамотных по новому латинскому алфавиту. Липпункты в Калмыкии одновременно являлись и санкружками.

Условия работы были своеобразными. В летнее время калмыки жили в степях небольшими группами. Это создавало огромные трудности в проведении культпохода. Прикрепленный к каждой такой группе культармеец-преподаватель, он же агитатор и пропагандист, должен был кочевать со своим кружком с одного пастбища на другое, а улусные организаторы и методисты почти не слезали с седла.

Культармейцам пришлось вести борьбу с кулачеством и ламством, выступившими против культштурма. Ламство устроило двухнедельное молебствие, чтобы сорвать культштурм. Кулачье агитировало: «Зачем калмыкам учеба, раз без грамоты прожили 300 лет?», «Учиться — это значит за хозяйством не следить, тогда все станем нищими».

Несмотря на это, культштурм проходил организованно, при высокой активности местного населения. В нем приняла участие вся калмыцкая молодежь, обучающаяся в вузах и техникумах Саратова, Москвы, Ленинграда и других городов страны. Развернулось

соревнование за лучшие достижения в культпоходе, за переходящее Красное знамя области, района. К 1932 году грамотность в крае возросла до 92 процентов.

Успешно проходил ликбез и в национальных районах Кавказа. До 1927 года трудящееся население многочисленных народностей Кавказа не знало элементарной грамоты. Так, в Чечне не было ни одной школы. В Дагестане имелось 35 миссионерских школ, в которых училось всего лишь 0,33 процента сельского населения. Зато здесь было много мечетских школ — оплотов мракобесия, где муллы преподавали коран и шариат.

С победой Советской власти стали рушиться старые, реакционные законы Кавказских гор — адат и шариат, проповедовавшие религиозность, закабаление женщин, национальную ограниченность.

Уже в 1931 году в Чеченской автономной области работало свыше ста школ, более 50 ликпунктов, 50 изб-читален и 30 школ для малограмотных. Сотни молодых чеченцев учились в педагогическом техникуме. Обучение в ликпунктах велось по чеченскому букварю «Похчин — обат». Для малограмотных на родном языке издавалась газета «Колхозная правда».

Немалую помощь чеченцам оказали трудящиеся Украины. Украинские организации «Геть неписьменность» взяли шефство над Чечней. За один лишь 1931 год они послали в Чеченскую автономную область 24 тысячи рублей, 14 тысяч тетрадей, 15 тысяч карандашей, две кинопередвижки, шесть радиоустановок и пианино. Сюда были направлены бригады организаторов, методистов и преподавателей.

Одной из лучших активисток на Кавказе была чеченка Хава Арсанова из горного селения Мекстри-Юрт. В Октябрьскую революцию у Арсановой погибла дочь, сражавшаяся против белых, сама она была жестоко избита. Но пережитое не сломило ее воли. Несмотря на 65-летний возраст, Арсанова была активнейшим борцом в походе за грамоту и новый быт чеченцев. В общественной столовой, в больницах, на постройках, на полевых работах — всюду член сельсовета Хава Арсанова старалась применить труд горянки. Она организует ячейки ОДН, устраивает

пункт и школу кройки и шитья, работает как член краевого совета ОДН. II Всероссийский съезд ОДН избрал Хаву Арсанову членом Центрального совета общества «Долой неграмотность».

В Дагестане в 1931 году в ликбазе участвовали все аулы. Ликпункты посещало 123 тысячи неграмотных и 23 тысячи малограмотных. Около 1300 ячеек ОДН объединяли свыше 100 тысяч человек. Активное участие и помощь дагестанским организациям оказал Московский областной отдел народного образования, Московский совет ОДН и журнал «Культпоход».

Из года в год росла сеть школ грамоты в Адыгейской автономной области. Областной комитет партии Адыгеи принял решение к ленинским дням — 21 января 1931 года — покончить с неграмотностью.

Во все аулы были посланы учащиеся, учителя, рабочие. Все население приняло в этом самое активное участие. Неграмотные заключали договоры, давая обещание к 21 января научиться читать и писать.

Адыгейские комсомольцы выделили из своей среды сотни лучших юношей и девушек для работы ликвидаторами и организаторами, провели десятки субботников в помощь школе. Когда для ликпунктов понадобилось топливо, комсомольцы создали штурмовые бригады, которые вышли в лес.

В ауле Мамхач члены ОДН обязались организовать собственными силами ликпункт. Купили на собранные общественным путем деньги деревянный амбар, перевезли его к себе и оборудовали в нем ликпункт.

Культуполномоченные нередко шли пешком за 10—15 километров в областной центр за тетрадами для ликпунктов. Черкешенки отказывались посещать общие ликпункты. Тогда облсовет ОДН создал для них специальные ликпункты.

Активная деятельность комсомольцев пугала кулаков и духовенство. Они выпустили воззвание к верующим, в котором осуждалось стремление к грамоте.

«Дорогие мусульмане,— говорилось в нем,— религия гибнет, коран попирают ногами. Удержите безумство молодых. Папа римский и иностранные державы все равно не позволят этим голодранцам растоптать религию».

Но потуги мракобесов были тщетны. Адыгея первой из автономных национальных областей покончила с неграмотностью.

В Кабарде и Балкарии, Бурят-Монголии и Осетии, в восточных республиках страны — всюду развернулась большая работа.

В дореволюционном Туркестане на нужды народного образования расходовалось всего 1,8 процента краевого бюджета. В 1914 году на территории современного Узбекистана обучалось в школах всего лишь 17,5 тысячи человек, главным образом дети царских чиновников и местных богачей. Имелся только один техникум, не было ни одного высшего учебного заведения. Среди взрослого населения насчитывалось менее 2 процентов грамотных. На узбекском языке выходила только одна газета — официальный орган царских колонизаторов.

После опубликования ленинского декрета о ликвидации безграмотности в Туркестане была организована краевая чрезвычайная комиссия по ликбезу. Подобные комиссии начали создаваться в областях, городах и уездах. Начали открываться школы для взрослых. К началу 1921 года только в Ташкенте их насчитывалось сто. Вся сеть ликбеза снабжалась за счет государства книгами, учебными и письменными принадлежностями.

В 1924 году произошло национальное размежевание Средней Азии, обеспечившее воссоединение разрозненных частей Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в единые государства. В образованных республиках были созданы общества «Долой неграмотность». Для школ ликбеза массовым тиражом издавались буквари и методические пособия, готовились учительские кадры.

Сеть школ росла очень быстро. Если в 1926 году среди взрослого населения Киргизии грамотных насчитывалось 15,1 процента, то в 1939 году они составляли уже 70 процентов. Этот общий подъем грамотности был характерен для всех республик и областей Советского Востока.

В борьбе с культурной отсталостью бывших национальных окраин наиболее сложной являлась работа по обучению грамоте женщин. Она требовала огромных

усилий, терпения, ибо это была в то же время борьба за раскрепощение женщины.

Ведь на Востоке женщина была наиболее бесправным и угнетенным человеком в обществе и семье. Уплатив калым, муж получал жену в полную собственность. Жизнь женщины замыкалась в стенах женской половины дома (ичкари), а черная сетка паранджи, закрывавшая лицо, на всю жизнь лишала ее возможности видеть свет солнца. Как требовал закон религиозных установлений, шариат, «жена обязана не показываться без уважительных причин в публичных местах». Поэтому узбечке, например, не только запрещалось учиться, но и работать в артели или на фабрике, выступать в суде. Нарушение этих обычаев влекло тяжелую кару.

В таких рабских условиях таджичка, узбечка, туркменка не могли даже и мечтать об образовании. Если какая-нибудь девушка осмеливалась взять в руки учебник, ее травили собаками, бросали в ущелье или топили в реке.

Октябрьская революция не оставила камня на камне от этих законов, ставивших женщину в неравное положение с мужчиной.

На страницах «Правды» 6 ноября 1919 года В. И. Ленин писал:

«За два года Советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет не сделали все вместе передовые, просвещенные, «демократические» республики всего мира»¹.

Программа партии в числе других важных задач ставила искоренение пережитков прошлого в отношении к женщине и создание материальных условий для ее раскрепощения. Крылатая ленинская фраза: «Каждая кухарка должна учиться управлять государством» — стала боевым кличем, призывавшим миллионы тружениц к учебе, к активному участию в политической жизни страны. Первыми декретами, принятыми в республиках Советского Востока, были декреты о запрещении выдачи замуж девушек до 16 лет, о запре-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 100.

щении многоженства, калыма и т. д. Однако провозглашение равенства еще не решало вопроса о фактическом равенстве.

Е. А. Росс по заданию ЦК Компартии Туркестана вела работу среди женщин города Ашхабада. Вот что она рассказывает:

«...В 1922 г. в областной партийной школе открылась женская секция, куда были приняты десять туркменок. Обучение началось с ликвидации неграмотности, с усвоения курсантами элементарных навыков культурного общежития. Привлечь женщин было очень трудно — это приводило к полному разрыву с семьей, вызывало преследование мужем или родственниками.

Одна из первых слушательниц школы стала первой жертвой в борьбе за раскрепощение женщин-туркменок. Среди белого дня в саду общежития партшколы муж убил свою молодую жену и явился в женотдел с заявлением об этом.

— Джинотдел¹, — обратился он к нам, — я за жену заплатил калым, учиться ей не разрешил, а она ушла. В школе она разговаривала с мужчиной, потеряла стыд, забыла адат — вот я ее и убил.

Этот туркмен был твердо уверен в своей правоте и искренне удивился, когда его арестовали.

— Казий (судья) меня судить не будет. Адат велит убить такую жену, — твердил он².

Предстояла длительная, упорная борьба за полное и действительное освобождение и просвещение женщины Востока.

Для работы среди женщин восточных республик и областей партия направила группу коммунисток. Среди них были такие активные деятели женского движения Средней Азии и Кавказа, как С. Т. Любимова, М. Ф. Муратова, Е. А. Росс, Т. П. Аринкина, В. Н. Николаева, Е. М. Дагаева, Л. А. Отмар-Штейн, Е. А. Попова, К. А. Ишакова, Л. А. Голик, С. М. Баскакова и многие другие.

Посланцы партии оказали неоценимую помощь в раскрепощении своих восточных сестер. С большим

¹ Баи злобно называли женотдел «джинотделом» — от слова «джин» — злой дух.

² «Женщины в революции», М., 1959, стр. 352—353.

тактом и уважением к обычаям они помогли им стать грамотными, сбросить ненавистную чадру, привели их в цехи заводов и фабрик, посадили за трактор и помогли сделать первые шаги в работе по управлению государством.

Нелегко было пробудить самосознание, повести за собой к светлой, свободной жизни постоянно скрытых от постороннего глаза рабынь, беспрекословно подчиняющихся воле мужчины. Трудности определялись не только экономической и культурной отсталостью, наличием вопиющих пережитков в быту, но также и пестротой национального состава населения. Ко всему этому, было мало грамотных кадров, хорошо знающих язык и быт местного населения. По словам одной из первых заведующих краевым женотделом Киргизского крайкома партии, казашки Аллы Уразбаевой, в 1922 году было всего пять казашек, работавших среди женщин.

Первоначально работа велась осторожно, исподволь, с агитации одиночек, небольших групп. Использовали все возможности, вплоть до хождения «в гости». Агитировали даже в банях. Иногда приходилось надевать паранджу, чтобы проникнуть в женский дворик.

Л. Отмар-Штейн рассказывает:

«...Вместе с переводчицей вошла я в дом. Сколько мучительных минут пережили мы у запертых ворот. Постучали металлическим кольцом, висящим на калитке, и ждем. Впустят ли? А когда откроют, идешь в ичкари через общий двор под подозрительными, враждебными взглядами мужей, отцов, братьев.

Наш приход всегда вызывал большой интерес, возбуждал любопытство. Жадно рассматривали узбеки наши костюмы, прически. Им казалось необычайным, что мы свободно ходим, куда желаем, и можем не носить паранджи. Мы были людьми другого, неизвестного им мира, который привлекал и пугал.

Мы рассказывали собеседницам о женотделе, о школах для девочек, о врачебной помощи, о Ленине, который живет и работает в Москве для счастья простого народа»¹.

¹ «Женщины в революции», стр. 348.

Постепенно росла активность женщины-мусульманки, особенно по мере втягивания ее в общественное производство.

«Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной,— писал В. И. Ленин,— нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»¹.

Это указание Владимира Ильича особенно касалось восточных республик и областей. В общественном производстве женщина неизбежно сталкивалась с жизнью, с людьми, всем тем, что выходило за черту ичкари.

Популярными формами организации просвещения женщин Востока были женские клубы и Дома дехканки, а среди кочевых народностей Красные юрты и Дома животноводки.

Первый образцовый женский клуб был создан в Баку в начале 20-х годов и находился под непосредственным руководством ЦК партии. Правительство отдало под этот клуб одно из лучших зданий города — бывший дворец местного богача. При клубе имелись библиотека и читальный зал, школа грамоты, профтехническая и партийная школы, трехмесячные юридические курсы для женщин-правозаступниц в народных судах.

Производственная секция клуба имела несколько женских мастерских и артелей, а секция охраны материнства и младенчества — женскую и детскую консультации, детский сад, свою аптеку и амбулаторию.

Подобные клубы были организованы также в среднеазиатских республиках. Женские клубы пользовались огромной популярностью. В них женщины-мусульманки учились грамоте, приобретали навыки культурной жизни, получали производственную квалификацию, учились коллективному труду. Такие клубы явились для многих женщин Советского Востока первой важной ступенькой в широкий мир общественной жизни.

По примеру городских женских клубов в Узбекистане, Туркмении и других восточных республиках создавались кишлачные женские клубы или женские

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 25.

красные уголки. Здесь не было постоянных работников, работу возглавляли активистки-делегатки.

В Туркменской республике большую работу среди крестьянок вел ашхабадский Центральный дом дехканки. Он разместился в красивом, просторном особняке с фруктовым садом и огородом. Здесь было оборудовано общежитие на 15—20 коек, детские комнаты, медицинская и юридическая консултации, школа ликбеза, читальня, швейная учебная мастерская, баня. Каждая женщина, приходящая из аула в Ашхабад, могла бесплатно прожить в Центральном доме дехканки до двух недель. При доме были созданы выездные бригады, которые систематически бывали в аулах, где помогали создавать пункты по ликвидации неграмотности, школы для девочек, женские красные уголки.

В скотоводческих районах были созданы Дома скотоводки. Первый Дом скотоводки был организован в 1927 году в Алма-Ате.

В Казахстане начиная с 1925 года широкое распространение получили женские кочевые красные юрты, представлявшие собой подобие передвижных клубов. Партийная пропаганда, ликвидация неграмотности, медицинская и юридическая помощь были основными задачами работников юрт. При юртах успешно работали «кружки чистоты».

Красные юрты явились первыми очагами культуры и политического просвещения среди кочевниц. Летом 1928 года в Казахстане их было 80.

Начало борьбы за грамотность женских масс Средней Азии было положено уже в 1919—1920 годах. В 1919 году в Ташкенте открылось первое учебное заведение для женщин — «Дорль Мугаллыкмат» — Высший педагогический институт. Первые два года занятия в нем ограничивались изучением элементарной грамоты, так как институт комплектовался преимущественно из неграмотных женщин. Позднее Высший педагогический институт стал именоваться Институтом просвещения (Инпрос) с программой в объеме школы 2-й ступени, с уклоном в сторону педагогики и методики. В 1920 году открывается Туземно-еврейский Инпрос и Тюркско-татарский Инпрос для женщин.

В 1920 году создаются первые школы ликбеза для женщин. О том, как начиналась работа с неграмотными женщинами, Л. А. Голик рассказывает:

«...В одну из пятниц мы решили приступить к ликвидации неграмотности. В отделе народного образования нашлась старая классная доска. Приготовили буквари, тетради, карандаши. И вот до начала концерта, когда собралось несколько женщин, бывшая переводчица, а теперь инструктор женотдела Алиса подошла к доске с мелом в руке. Она назвала свое имя, четко написала его на доске и объяснила произношение каждой буквы. Потом спросила самую пожилую из женщин, как ее зовут. Та назвала себя Якша, и Алиса по буквам написала это имя и объяснила каждый знак. Женщин это заинтересовало. Каждая попросила написать свое имя.

Потом мы роздали карандаши и тетради и предложили всем писать одно имя «Якша».

...Все так увлеклись новым интересным делом, что, когда пришли «артисты», наши ученицы отказались слушать концерт и продолжали выводить свои каракули.

Тут же мы провели запись в школу ликбеза. Однако записаться согласились только шесть человек. Но начало было положено, и мы от души радовались... Мы продолжали свою агитацию за грамоту, и школа постепенно росла».

В 1921 году в областные совпартшколы поступили первые женщины-мусульманки. Большинство попадало сюда из школ ликбеза. В совпартшколах будущие работницы среди женщин получали хорошую политическую подготовку, знакомились с опытом работы женотделов.

Наряду со школами для взрослых женщин росло и число школ для девочек.

Началась полоса небывалой активности женских масс, тяга женщин в учебные заведения. А тот, кто мало-мальски научился грамоте, становился ревностным борцом за просвещение своих родных, близких, односельчан. Типичен для тех лет такой случай. Однажды в Семипалатинский женотдел пришла из аула молодая женщина, почти подросток,— Магурушат Басова, сбежавшая от издевательств мужа и свекрови.

Беженку в женотделе приняли как родную и послали ее учиться. Баисова стала хорошим организатором. Работу в ауле, куда ее направили, она начала с того, что отобрала у баев баню, стала водить туда казашек, приучала их мыться и стирать белье. Потом обучала их грамоте, привлекала к работе местного Совета. Ни угрозы баев, ни насмешки отсталой части населения не напугали Баисову. Подготовив себе крепкий актив из женщин, Баисова уехала учиться в Оренбургский рабфак.

Число неграмотных среди женщин Советского Востока быстро сокращалось. Так, в 1926 году только 7 процентов женщин Туркменистана умело читать и писать, а в 1938 году было уже более 60 процентов грамотных туркменок.

Настойчивая, кропотливая работа Коммунистической партии и Советского государства дала свои замечательные результаты. Простые, ранее забытые и отсталые труженицы становились активными строителями новой, светлой жизни.

Уже в 1925 году 35 процентов работников в аппаратах женотделов Туркменистанского края составляли местные кадры. В 1926 году, во время перевыборов в Советы, по Узбекистану было избрано 1512 узбечек.

Среди первых активисток Советского Востока широко известны такие имена, как Сара Есова, Архипханова, Абидова, Настырова, Асма Каримова, Н. Арыкова, Бердыклычева, З. Бурнашева, Э. Кулиева, Х. Нарумова.

Показателем роста сознательности и активности женских масс Средней Азии и Кавказа явились массовые кампании — съезды, конференции, революционные праздники, в которых теперь участвовали сотни и тысячи женщин.

...8 марта 1924 года. Торжественное заседание в Ташкенте.

Целый лес багрово-красных знамен украшает сцену Колизея, где заседает президиум.

Ярко блещут лозунги:

— Долой паранджу и рабство!

— Долой позорный калым!

— Да здравствуют раскрепощенные женщины Востока!

Только что затихли аплодисменты после приветственной речи, как вдруг новый взрыв потрясает воздух.

— Идут, идут...

— Дехканки идут!

Узбечки, киргизки, таджички и туркменки занимают свои места. Одна из них проходит в президиум. Узбечки-делегатки дехканской конференции откидывают назад чадры.

На трибуну выходят одна за другой делегатки разных областей и республик.

На сцене девушка-узбечка лет восемнадцати в парандже и с откинутой назад чадрой. Трогательно рассказывает она о том, как росла в четырех стенах, какие унижения ей приходилось терпеть, о том, как она попала наконец в Ташкент.

— Теперь я учусь в Среднеазиатском Коммунистическом университете. Вековой предрассудок, переданный мне с молоком матери, не давал до сих пор возможности снять с себя эту чадру. Но теперь я уже достаточно сознательная. Сегодня, в день всемирного праздника женщин-работниц, я с отвращением сбрасываю с себя ее, чтобы никогда больше не надевать.

— Матери, сестры,— заканчивает она, сияющая, радостная,— женщина Востока была рабыней, но она ею не будет больше! Бурные, долго не смолкающие аплодисменты вспыхивают в ответ.

Женщины Востока под руководством Коммунистической партии выходили на широкую дорогу свободы и счастья.

ВРАГИ ЛИКБЕЗА

В. И. Ленин никогда не рассматривал вопрос о ликбезе как какой-то чисто культурнический вопрос. Он ставил его как вопрос классовой борьбы. Первые победы похода за культуру и всеобщую грамотность были одержаны в ожесточенной борьбе с врагами социализма, стремившимися всячески помешать делу культурной революции.

Слово «культурмеец» звучало тогда почти как военное, так же как и слово «культпоход».

Казалось бы, ничего страшного в себе эти слова не заключали, но они пугали врагов социализма.

Особенно бешеное сопротивление оказали культпоходу кулаки и церковники. Это и понятно. Культпоход усиливал колхозное строительство, помогал выполнению хозяйственно-политических задач, а следовательно, и ликвидации кулака как класса, подрывал основы поповщины, сектантства.

Ликвидация неграмотности мешала кулаку и попу в деревне, нэпману в городе спекулировать на темноте и невежестве трудящихся, выбивала из-под ног врагов почву. Классовый враг хорошо понимал, что расцвет социалистической культуры означает ускорение его гибели.

Излюбленным методом борьбы против ликбеза было распространение небылиц. Кулаки и духовенство распускали дикие слухи:

— Вот поштурмуют неграмотность, а потом сундуки начнут «штурмовать», до последней рубахи доберутся.

— Прежде неграмотность ликвидируют, а потом неграмотных начнут ликвидировать, одни коммунисты останутся.

— Общество «Долой неграмотных» — это такое общество, которое неграмотных будет изничтожать.

— Всех детей, которых горячими завтраками кормят, на особый антихристов учет возьмут.

На родительском собрании в Михайловском районе Нижне-Волжского края выступил с речью подкулачник:

— Нельзя детей в школу пускать. Раз в школу, то в пионеры; раз в пионеры — значит крест долой; а раз крест долой — сатане в руки.

Его спросили:

— А зачем ты своего ребенка пускаешь?

— Рад бы не пускать, да заставляют. А потом: неграмотного Советская власть в гроб загонит, ликвидирует.

В селе Крутояр Нижне-Волжского края появилось «Таинственное письмо старца Питирима», призывавшее «предать анафеме стариков и баб, посещающих бесовские пристанища и набирающихся сатанинской мудрости».

Не раз из-за угла посмеивались кулаки: «Штурмуете? ОДН — значит Отдай Деньги Нам?.. Так-так...»

Чтобы сорвать культпоход, кулачество распускало и слухи о высокой плате за учебники, карандаши.

Сплетни о ликбезе враг сеял везде и всюду. Ставропольское кулачество нашептывало учащимся ликбеза, что их, учащихся, всех возьмут на войну. В Средне-Волжском крае кулаки запугивали бедноту. Они говорили, что каждый учащийся будет обложен специальным налогом, увеличат сельхозналог. Только благодаря энергичной работе партийной организации и ОДН эти слухи были рассеяны.

В Курском округе враждебные элементы «предсказывали»: «Грамоте выучат — в колхоз возьмут, а там в коммуну, где будут под семиверстным одеялом спать»; «Девушкам насильно косы обрежут» и т. д.

По селам бродили «странники», «толкователи святого писания». В селе Становом Тимского района ходил некий Евдоким. Соберет женщин и рассказывает, что «аннуляция неграмотности — дело змеиных рук, и пойдут в ночь под 1 марта стрелы огненные, и поразят они нечестивцев».

Огорчил многих становских женщин этот странник.

— А мы-то, недотепы, на ликпункты шлялись...

Так всю ночь в Становом под 1 марта и горели свечи, лампадки: боялись темные женщины «стрел огненных». Но вскоре все узнали, что странник подослан кулаками. Неграмотные снова сели за учебу.

Под влиянием классово враждебной агитации кое-где неграмотные скрывались от переписчиков, натравливали собак на культармейцев, уклонялись от занятий. На ярославской фабрике «Красный перекоп» пьяные хулиганы сорвали несколько вечеров, посвященных борьбе за грамоту.

От распространения всевозможных нелепиц и разного рода слухов кулаки, попы и сектанты переходили к открытой агитации против мероприятий по ликвидации неграмотности. В селе Николаевке Баландинского района Нижне-Волжского края кулаки и подкулачники выставили лозунг: «Даешь ситец — будем учиться, а нет — будем плясать». Бедняки и батрачество давали в таких случаях решительный отпор. На заявления кулаков: «Пахать можно и неграмотно-

му», — колхозники отвечали: «Вы раньше пахали нашей силой, а мы пашем теперь машиной. А управлять машиной можно только грамотному».

Или такой пример. Идет собрание крестьян одного из сел. Обсуждается вопрос о ликбезе. К столу осторожно подходит пожилой мужчина. Просит слова.

— Товарищ Ленин сказал давно: неграмотные социализм не выстроят. Верно. Почему? Да потому, что социализм могут делать только культурные люди. У нас ой как много неграмотных. Мы некультурны. А все-таки социализм мы строим... Строим и даже можем строить. Стало быть, не к спеху уничтожать неграмотность. Успеется. Поважнее дела есть. Верно я говорю?..

Собрание молчит. Не подумавши, трудно уразуметь эту непонятную логику.

— Я думаю, что верно, — продолжает мягко оратор. — От грамоты сыт не будешь.

— Э... Загибаловку гнешь, — подскочила Дарья Рогова... — Ишь какой гусь! А зачем сам грамотный? Ленина читаешь да по-своему понимаешь... Мы тоже хотим Ленина знать!..

— Вот так отчехвостила! — ликовали крестьяне.

— Товарищи, я пишушь в ликбез. Что же, люди, — обратилась она к собранию, — слепыми, что ль, будем?

— Нет!..

Бурно захлопали в ладоши. Здесь же, на собрании, все неграмотные записались в ликбез.

Классовый враг использовал каждое событие для своих целей. Приспосабливаясь к условиям, церковники организовывали поповские школы грамоты, хоровые, музыкальные и драматические кружки. Чтобы сорвать культпоход, враги применяли и террор. В Центрально-черноземной области было много случаев избиения учителей, покушений на культармейцев, поджогов ликпунктов, уничтожения книг и букварей. В Сосновском районе кулаки разогнали школы грамоты. В селе Бондарях Тамбовского округа в Народном доме была устроена антирелигиозная лекция, она привлекла много неграмотных. Кулаки решили отомстить безбожникам и ночью подожгли Народный дом. В Соседском районе кулаки спалили библиотеку.

В Курском районе кулаки по вечерам одевались в белые саваны и пугали возвращавшихся с ликпункта. Однажды шедших с занятий девушек избили кнутами.

В Ленинском районе Ростова-на-Дону группа хулиганов систематически срывала занятия, влезая в окна в страшных масках. В Таганроге кулаки и подкулачники стреляли в окна школ, били стекла, рвали буквари, с ножами врывались в школы во время занятий, разгоняли учащихся.

Кулаки прибегали к самым диким средствам расправы над энтузиастами культпохода. В Сибири, в деревне Кирсановке, от рук кулаков погиб ликвидатор и селькор коммунист Панкратий Маркидонов. В одной из бесед с жителями своего села Маркидонов говорил: «Темный угол наша деревня, надо всех образовывать, разогнать тьму, и только тогда будет хорошо».

Кулачье грозило:

— Тебе, коммунист, все больше всех надо, тебя не трогают, чего лезешь в чужое дело?

Маркидонов не испугался угроз, продолжал активно бороться за новую, счастливую жизнь простых людей. И кулаки убили его ночью, выстрелив из обреза в окно.

Этот пример кулацкой расправы далеко не единичен. Только осенью 1929 года было совершено до двухсот преступных актов классового врага против культармейцев, из них более 60 случаев относилось к террористическим.

В Андижанском округе Узбекистана баи сожгли школу ликбеза, в которой находились учительница и пять учениц. В феврале 1925 года была зверски замучена басмачами делегатка Сулейманова. В апреле того же года погибла от рук убийц Анна Джамал — туркменка из аула Геок-Тепе. Анна была беднячка, делегатка аула. Не боясь угроз, она помогала создавать школу, смело разоблачала нарушителей советских законов. Артистки Туреуна и Нурхон были убиты только за то, что осмелились прийти на работу в театр. Работница-активистка Самаркандской шелкомотальной фабрики Ширафатова была живьем закопана в землю.

Но сорвать культпоход врагам Советской власти не удалось. Их подрывная деятельность была пресечена

органами пролетарской диктатуры и общественностью. Коммунисты и комсомольцы организовывали дежурства по охране школ от бандитских налетов. Еще активнее становилась работа, росли ряды борцов за культуру.

Никакие вражеские силы не в состоянии были остановить могучее движение миллионов к свету и знаниям.

КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ УЧИТСЯ

В 1932 году группа итальянских ученых посетила Днепрогэс. Между профессором — членом этой делегации и начальником одного из участков строительства произошел любопытный разговор:

— Сколько человек у вас учится? — спросил итальянец.

— 10 тысяч.

— Сколько у вас всего рабочих?

— 10 тысяч.

— А кто же у вас тогда работает?

— Те, кто учатся.

Этот короткий диалог очень верно характеризует одну из важных черт советских людей, порожденных Советской властью, — массовое стремление к учебе.

В период культпохода в школы ликвидации неграмотности и малограмотности вовлекались миллионы трудящихся. В течение пяти лет (1928—1932) в школах ликбеза обучалось 23 миллиона 472 тысячи неграмотных, из них 19 миллионов 919,6 тысячи — в сельской местности. Кроме того, в школах малограмотных города и деревни обучалось 11 миллионов 114,5 тысячи человек. Плановое задание пятилетки по числу учащихся в системе ликбеза было перевыполнено.

1932 год — последний год первой пятилетки, заложившей фундамент социализма в СССР, год напряженных темпов в народном хозяйстве — стал рекордным и в области ликвидации неграмотности. За один этот год в школах неграмотных и малограмотных занималось свыше 14 миллионов человек. В ряде крупных промышленных центров, краев и областей ликбез был завершен.

Несколько отставали национальные республики, особенно среднеазиатские. Однако темпы ликвидации неграмотности в этих республиках в течение первой пятилетки были более высокими, чем по Союзу в целом. Так, если по СССР в последнем году пятилетки по сравнению с первым годом обучалось в 6,4 раза больше, то в Туркменской ССР — в 8,5 раза, в Узбекской — в 17 с лишним раз, а в Таджикской — почти в 27 раз больше.

К концу первой пятилетки каждый третий, а на многих заводах каждый второй рабочий учился. Однако всеобщая грамотность взрослых могла быть достигнута лишь при условии прекращения притока неграмотных из среды детей и подростков, а для этого надо было чтобы все дети посещали школу. Еще в 1903 году в брошюре «К деревенской бедноте» В. И. Ленин указывал, что только «...даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты»¹.

С первых же дней социалистической революции Коммунистическая партия приступила к немедленному осуществлению своей программы в области школьного дела. В течение ряда лет партия и правительство готовили переход к всеобщему обязательному начальному обучению, а в первые годы пятилетки началось практическое осуществление этого программного требования партии.

Выполняя указание XVI съезда ВКП(б), 14 августа 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении». Повсеместно в СССР в 1930/31 учебном году вводилось всеобщее бесплатное обязательное обучение детей в возрасте 8—10 лет в объеме начальной школы и семилетнее обучение в промышленных городах, заводских районах и рабочих поселках. Одновременно вводилось обязательное обучение детей-подростков 11—15 лет, не прошедших первых четырех групп трудовой школы.

Как и за ликбез, борьба за осуществление всеобщего превратилась во всенародное движение. Особенно большую активность проявил комсомол, взявший шеф-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 365.

ство над начальным обучением. Комсомольцы проводили учет детей школьного возраста, сбор учебников и письменных принадлежностей. Комсомол выступил инициатором создания денежных фондов для детей бедноты. По решению ЦК ВЛКСМ в деревне была развернута работа по засеву 100 тысяч гектаров в пользу всеобща. Был проведен всесоюзный субботник. Только московская комсомольская организация привлекла к участию в субботнике 63 тысячи юношей и девушек. Всего по стране субботники 1930—1931 годов дали школе 10 миллионов рублей.

Общественность строила и ремонтировала помещения и инвентарь для школ, заготавливала топливо. В свою очередь Советское правительство увеличило ассигнования на строительство, ремонт и оборудование школ, приняло меры по улучшению материального положения учителей и снабжению наименее обеспеченных детей бесплатными учебниками, обувью, одеждой, питанием.

В конце XIX века либерально настроенные просветители царской России определяли срок, необходимый для осуществления всеобщего начального обучения в стране, в 100—150 лет. Известно, например, что в Англии закон о всеобщем обучении был принят в 1880 году, в США — в 1852, во Франции — в 1882 году. Однако в этих государствах и до настоящего времени насчитываются миллионы безграмотных детей и подростков.

Советская власть справилась с этой задачей, одной из самых сложных в культурной революции, за четыре года, причем в течение этого же времени была разрешена в основном также и проблема введения обязательного семилетнего обучения в городе.

Это навсегда подрывало корни безграмотности.

Из страны темной и неграмотной, какой была до-революционная Россия, Советский Союз становился страной передовой социалистической культуры.

И в этом, особенно в достижении успехов по ликвидации неграмотности, большую роль сыграл культпоход, превративший ликбез в дело миллионных масс. Под руководством партийных организаций культпоход объединил усилия сотен тысяч людей — рабочих, крестьян, интеллигенции и учащихся, добровольно и без-

возмездно выполнявших обязанности организаторов, методистов и учителей школ по ликвидации неграмотности и малограмотности. В 1932 году в ликбезпоходе участвовало 1 миллион 200 тысяч общественных учителей. Они обучили свыше 80 процентов неграмотных и малограмотных.

Исключительный энтузиазм, чувство ответственности за порученное дело, стремление выполнить его как можно лучше, высокая организованность и дисциплинированность — вот те качества, которые были присущи большинству культармейцев. Культармеец считал для себя священным долгом передать свои знания, пусть порой даже небольшие, чтобы помочь неграмотным быстрее стать в шеренгу борцов за социализм.

Среди культармейцев было немало таких, которые обучили по несколько сот неграмотных и малограмотных. Так, П. И. Манковский, инженер-экономист Коломенского паровозостроительного завода имени В. В. Куйбышева, за 13 лет обучил 724 неграмотных рабочих. За работу по ликбезу он был награжден знаком «Отличник народного просвещения».

Большой революционный путь прошла А. Д. Калинина — первый культармеец, награжденный орденом Ленина. Еще совсем юной Ася Калинина познала, что такое полицейский участок, тюрьма и ссылка. Много людей привлекла она в ряды борцов с царизмом горячим словом агитатора, а главное, примером собственной самоотверженной работы. После Октябрьской революции партия направила ее на один из самых трудных участков — на борьбу с беспризорностью. Десять лет — с 1918 по 1928 год — отдала она этому благородному делу.

В годы культпохода А. Д. Калинина уделяла много внимания ликвидации неграмотности среди подростков. Она — председатель Московского областного штаба ликбезпохода. Под ее руководством Московская область одной из первых стала областью сплошной грамотности.

В первом ряду культармейцев шли советские учителя. Они с честью оправдали те большие надежды, которые возлагал на них В. И. Ленин. Бывший ученик школы малограмотных взрослых из села Красный Кут Нижне-Волжского края М. Быков писал: «Всю свою

жизнь я лелеял мечту, как бы мне хотя немного поучиться. Сжималось сердце от боли за свое невежество, и я рвался к знанию, свету, но кто-то невидимый вечно твердил мне одно — ты опоздал, года твои ушли, двери школы навеки закрыты для тебя. Однако время от времени мечта моя снова просыпалась и захватывала всего меня. Однажды я услышал: «В Советской республике не должно быть ни одного неграмотного. Все в ликбезы. Все на борьбу с безграмотностью...» И вновь закипела во мне вся моя страсть к учению. Я набрал группу таких же, как сам, товарищей и с замиранием сердца переступил порог школы. Школа не только не оказалась закрытой для нас, как мне казалось раньше, а, наоборот, открытой широко, гостеприимно. Радужно, приветливо встретила нас наша будущая учительница Юлия Антоновна Александрова. Своей ласковой, задушевной беседой она в первый же вечер сумела заглушить в нас ложный стыд и пробудить еще большую жажду к учению».

Когда учительница Аксеновского сельсовета Ивановской области Мария Васильевна Махоткина пришла к неграмотной Анастасии Тростиной и сказала, что хочет обучать ее грамоте, та даже расплакалась.

— Да где же это видно было,— говорила она,— чтобы учительница простую бабу у нее на дому учила!

А сколько было подобных примеров! Учителя школ не только обучали неграмотных и малограмотных, но и проводили большую методическую работу с культармейцами.

В. И. Ленин говорил о том, что задачи нашей революции, строительства социализма не могут быть завершены «героизмом отдельного порыва», что они требуют «самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы». Этот героизм «массовой и будничной работы» и проявляли сотни тысяч рабочих и крестьян, студентов, учителей.

Благодаря культпоходу общество «Долой неграмотность» превратилось в подлинно массовую организацию. В 1932 году оно насчитывало 50 тысяч местных организаций и объединяло более 5 миллионов трудящихся.

Кульптоход успешно разрешил финансовую проблему, связанную с ликбезом. Государство не жалело средств на ликвидацию неграмотности. Но решить эту задачу только на бюджетных основах было невозможно ни в первую, ни во вторую пятилетку. Привлечение общественных преподавателей в несколько раз сокращало расходы на обучение одного неграмотного.

Широкое развитие получило движение за сбор средств на ликбез. В 1928 году, в самом начале культпохода, «Правда» выступила с призывом создать фонд ликбеза. Н. К. Крупская разослала 3 тысячи писем ответственным партийным и советским работникам, которые не имели возможности непосредственно участвовать в культпоходе. Она предлагала им внести по 5 рублей в фонд ликбеза, а на собранные деньги обучить несколько тысяч неграмотных. Советская общественность, трудящиеся горячо откликнулись на призыв газеты.

Наряду с увеличением бюджетных ассигнований фонд ликбеза все больше пополнялся за счет денежных отчислений кооперации, профсоюзов и других организаций, сбора пожертвований, членских взносов членов ОДН, взносов шефских организаций, коммерческой деятельности ОДН, организации субботников и других источников.

По всей стране широкое распространение получило создание под руководством местных ОДН посевных участков, так называемых «культгектаров», «участков ликбеза» или «полос ОДН», в фонд культурной революции. На общих собраниях крестьян принимались решения провести День запашки клина ликбеза. Доход от этой полосы целиком шел на ликбезработу.

Под «культгектары» выделялись лучшие полосы земли. Как на опытном поле, на них работали во время воскресников учащиеся ликбеза, ОДНовцы под руководством агрономов и передовых полеводов из крестьян. Обычно над «культгектарами» брали шефство МТС и колхозы. Многие такие участки распространяли и передовую агрономическую культуру среди крестьян, стали базой организации колхозов.

Осенью 1930 года в фонд культпохода было засеяно свыше 500 тысяч и вспахано под зябь более 1 миллиона гектаров.

Но при проведении культпохода не обошлось и без ошибок. Например, при культэстафетах, культштурмах допускалось известное увлечение количественными показателями в ущерб качеству обучения. В ряде мест увлекались элементами военизации, администрированием, что отрицательно сказывалось на активности, самодеятельности масс. Так, в одном из сел Михайловского района Нижне-Волжского края неграмотным и малограмотным объявили: «Кто не будет посещать учебу, у того будут вычитать из трудодня». Понятно, что такие «лекари слепоты» строго осуждались партийной и советской общественностью. Однако и при этих недостатках культпоход — массовое культурное движение конца 20-х — первой половины 30-х годов — сыграл большую роль в истории борьбы за культурную революцию. Он содействовал быстрому повышению грамотности населения нашей страны.

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ

...Недостаточно безграмотность ликвидировать... Нам нужно громадное повышение культуры.

В. И. Ленин

ОТ ЛИКПУНКТА К РАБФАКУ

В лесах новостроек, гудками новых гигантов — заводов и фабрик, пафосом великого созидания встретила страна последний год первой пятилетки. Навсегда уходила в прошлое вековая отсталость России. Советский Союз стал одной из передовых индустриальных держав. 1500 новых промышленных предприятий вступило в строй за годы первой пятилетки, а объем продукции крупной промышленности более чем вдвое превысил довоенный уровень. В деревне был создан колхозный строй. Коренным образом улучшилось материальное положение трудящихся. Была уничтожена безработица. Большие успехи были достигнуты и в культурном строительстве.

Собравшийся в январе 1934 года XVII съезд ВКП(б) утвердил резолюцию о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, задачи которого были еще более грандиозными. Объем капитальных работ по всему народному хозяйству намечался в два с лишним раза больше, чем в первой пятилетке. Вторая пятилетка — годы нового бурного подъема промышленности и сельского хозяйства страны. Народное хозяйство получало все больше и больше первоклассной техники. Завершение технической реконструкции всех отраслей промышленности, овладение новой техникой требовало и грамотных рабочих, было тесно связано с дальнейшим повышением

культурного уровня трудящихся. Вот почему во второй пятилетке партия ставила одной из первоочередных задач дальнейшее развитие народного образования и завершение ликвидации неграмотности и малограмотности в стране. Годы второй пятилетки стали временем подлинной культурной революции в стране.

Решающее значение в эти годы приобрела проблема кадров. Партия выдвинула лозунг: «Кадры решают все!» Развернувшаяся борьба за освоение техники, за подготовку кадров предъявила новые требования к грамотности трудящихся: неграмотный должен был получить знания в объеме не ниже двух лет начальной школы, малограмотный — в объеме четырехлетней школы и выше. Эта задача была сложной, требовала иной организации, а главное — более подготовленных кадров и серьезной материальной базы.

27 февраля 1936 года было опубликовано постановление партии и правительства «О работе по обучению неграмотных и малограмотных». СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили в течение 1936 и 1937 годов полностью ликвидировать неграмотность среди трудящихся в возрасте до 50 лет.

Наркомпросам республик, профессиональным и комсомольским организациям было предложено создать в 1936 году для подростков от 14 до 18 лет специальные школы. При городских и сельских Советах, а также при райисполкомах создавались секции ликвидации неграмотности и малограмотности. Общество «Долой неграмотность», как выполнившее свои задачи, было распущено.

Постановление партии и правительства имело огромное значение, оно явилось началом завершающего этапа в борьбе с безграмотностью.

Работа по ликбезу закипела с новой силой. Как и прежде, решающая роль в ней принадлежала советской, профсоюзной и комсомольской общественности, активному участию широких масс трудящихся.

С 25 до 28 февраля 1936 года в Москве проходило созданное Наркомпросом РСФСР Всероссийское совещание по вопросам общеобразовательной работы со взрослыми. В нем активное участие приняли представители Отдела культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б), профсоюзов, ЦК ВЛКСМ, Наркомата обо-

роны и других организаций. На совещании многие делегаты вызывали на соревнование работников других краев и областей на лучшее выполнение постановления партии и правительства. Московская область вызвала на соревнование Ленинградскую, Западная область решила соревноваться с Калининской, Татарская республика — с Башкирией. Активное участие приняли в эти годы в борьбе за завершение ликбеза местные Советы.

...В Березайковском сельсовете Бологовского района Калининской области долгое время обучением неграмотных занималась одна учительница. Посещаемость в группах была низкой, учились единицы, а неграмотных насчитывались сотни. Придет, бывало, учительница в красный уголок, посидит и уйдет, не дождавшись учеников.

Но вот за ликбез взялся актив сельсовета. Учителя, комсомольцы, грамотные колхозники при поддержке партийной организации твердо решили к выборам в Верховный Совет 12 декабря 1937 года покончить с неграмотностью. Один из селькоров писал в «Бологовском ударнике»: «Сейчас я включился в работу по ликвидации неграмотности. Обязуюсь обучить четырех неграмотных, разъясняя им положение о выборах в Верховный Совет СССР. Я обращаюсь с призывом ко всем селькорам помочь учителям в обучении неграмотных».

Перед началом занятий среди населения провели большую разъяснительную работу. «Благодарю руковода нашей школы Бубнову,— говорила колхозница Ольга Ефимова.— Она меня уговорила учиться. Три раза она приходила ко мне на квартиру, беседовала, рассказала о выборах в Верховный Совет СССР. Я решила во что бы то ни стало научиться грамоте. Беру на себя обязательство учебу окончить на «хорошо»».

На учебу колхозники стали смотреть как на обязательное дело.

«Мой муж, Царенюк Михаил,— писала в газету «Бологовский ударник» колхозница Царенюк,— не умеет ни писать, ни читать, ни считать и к учебе относится плохо, хотя я его все время заставляю. Из пяти занятий он посетил только два. Дома совершенно не

готовится. Мне стыдно за него. Может быть, сельсовет поможет воздействовать на моего мужа».

Таких заявлений было немало.

Колхозники, учителя, актив Березайковского сельсовета обратились ко всем трудящимся страны с призывом завершить ликвидацию неграмотности к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. «Мы призываем вас,— говорилось в обращении,— последовать нашему примеру — выполнить решение Центрального Комитета нашей партии и Правительства,— добиться полной ликвидации неграмотности среди взрослого населения с таким расчетом, чтобы к XX годовщине Великой Октябрьской пролетарской революции и выборам в Верховный Совет СССР не было ни одного неграмотного в нашей социалистической Родине».

Почин Березайковского сельсовета нашел живейший отклик.

Все большее число колхозов, сельсоветов, целые районы и даже области получали почетное право называться колхозом, сельсоветом, районом сплошной грамотности. Специальные государственные комиссии проверяли каждый колхоз, сельсовет, предприятие, сообщавшие о полной ликвидации неграмотности взрослых.

За 1933—1937 годы среди взрослого населения было обучено 20 миллионов 713,1 тысячи неграмотных и почти столько же — 19 миллионов 957,8 тысячи малограмотных.

Решение партии о завершении во второй пятилетке ликбеза в основном было выполнено. Но остатки неграмотности и малограмотности, главным образом в деревне, еще имели место, и работа по их ликвидации не прекращалась в последующие годы.

Борьбу за грамоту Коммунистическая партия и Советское правительство рассматривали лишь как первую ступеньку на пути к дальнейшему росту общеобразовательного уровня трудящихся. Нам нужно, указывал В. И. Ленин, громадное повышение культуры.

С этой целью наряду с быстрым ростом числа детских общеобразовательных школ была создана и успешно развивалась широкая сеть общеобразовательных школ для взрослых.

Следующая ступенька от ликпункта — школа для малограмотных. В 30-е годы система ликбеза все более и более перестраивалась на работу уже с малограмотными. Обучение здесь велось в объеме программы за 4 года начальной школы, по трем предметам — русскому языку, арифметике и географии.

Вручение городу Саратову переходящего Красного знамени за лучшую организацию работы по ликбезу. 1931 год

После окончания школы для малограмотных можно было поступить в школу взрослых повышенного типа, затем на курсы по подготовке в вузы и рабфаки и, наконец, в институты. Такая последовательность позволяла получить высшее образование без отрыва от производства.

Школы для малограмотных, где обучающиеся получали знания в объеме четырех классов начальной школы, были созданы в первые же годы Советской власти наряду с ликпунктами. В них принимались имеющие знания за два года начальной школы, в том числе и из школ ликбеза. Такие школы организовывались на крупных предприятиях, где имелась возможность создать однородные по уровню знаний

группы в 25—30 человек. Для рабочих мелких предприятий открывались районные школы, к ним прикреплялось несколько предприятий. В деревне школы малограмотных создавались там, где можно было организовать группу в 25—30 человек.

В ликвидации малограмотности, как и неграмотности, также участвовали органы народного образования, профсоюзы, комсомол и другие организации.

Школы взрослых повышенного типа, ставшие важным звеном в народном образовании, также были созданы в первые годы Советской власти. А в 1928 году в систему городского вечернего образования входили: одногодичная рабочая школа, двух- и трехгодичная школы взрослых и рабочий университет.

В 1937 году насчитывалось 7187 неполных средних и средних вечерних общеобразовательных школ, в них училось 524,8 тысячи человек, а в 1939 году учащихся уже было 750,9 тысячи.

Кто не имел возможности учиться очно, мог поступить в заочную общеобразовательную школу. Такие школы стали создаваться еще в 1926 году. Обучение проходило вначале по программе только начальной школы. С 1928 года было организовано заочное обучение и по программе средней школы.

Кроме общеобразовательных школ повышенного типа в стране было создано большое число общеобразовательных курсов и кружков.

Большое значение имели созданные революционным народным творчеством рабочие факультеты — особый тип средней школы, готовившей рабочего или крестьянина для поступления в вуз.

Первые рабочие факультеты родились в труднейший период для молодой Советской республики — в годы гражданской войны.

Советская власть декретом от 2 августа 1918 года, разработанным В. И. Лениным, широко распахнула для трудящихся двери высшей школы. Однако рожденный революцией и закрепленный декретом Советской власти лозунг «Наука — трудящимся» не мог быть осуществлен без наличия соответствующей общеобразовательной подготовки. А рабочие и крестьяне в массе своей были неграмотными и малограмотными. Низкая общеобразовательная подготовка стала

преградой на пути трудящихся к высшей школе. Вместо детей рабочих и крестьянской бедноты в первые годы революции в университеты и вузы стали попадать выходцы из мелкой буржуазии, чиновничества и духовенства.

И вот в 1919 году среди московских студентов-коммунистов родилась мысль организовать для рабочих подготовительные курсы при вузах, что дало бы им возможность сразу поступать в университет. Эта мысль была активно поддержана Замоскворецким райкомом партии, который обратился к рабочим района с призывом поступать в вуз. Откликнулось 985 человек. Из них и был составлен первый рабочий факультет при Коммерческом институте (ныне Институт народного хозяйства имени Плеханова). Официальное его открытие состоялось 2 февраля 1919 года.

11 сентября 1919 года Наркомпрос РСФСР издал специальное постановление об организации рабочих факультетов при всех университетах. 17 сентября 1920 года строительство рабфаков было закреплено декретом Совнаркома, подписанным В. И. Лениным. Этот декрет так определял основную задачу, стоящую перед рабочими факультетами:

«Основной задачей рабочих факультетов является широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены высшей школы».

Зачислялись на рабочие факультеты рабочие и крестьяне с 18 лет, «принимавшие участие личным физическим трудом в производстве» не менее трех лет, для национальных меньшинств рабочий стаж снижался на один год. Строжайше соблюдался классовый принцип комплектования, оно было организовано по системе разверстки. Общественные и советские организации направляли на учебу самых достойных коммунистов и комсомольский актив.

Передовые представители профессорско-преподавательского состава: К. А. Тимирязев, академик В. Н. Образцов, выдающийся ученый В. С. Вильямс с одобрением встретили стремление рабочих и крестьян «взять крепость науки» и активно помогали организации рабфаков. Но большинство старой университетской профессуры считало рабфаки «дикой» затеей и всеми силами сопротивлялось нашествию «ку-

харкиных детей» в высшую школу. Первых рабфаковцев встретило в штыки и старое студенчество. В те годы часто можно было видеть такую картину.

...Московский университет. По мраморной лестнице поднимаются люди в потрепанных пиджаках и полушубках, в рваной обуви, но с задорными, веселыми обветренными лицами.

Это рабфаковцы. Они идут на выборы совета старост университета.

Но их еще не признают студентами. Оглядываясь по сторонам и сторонясь полукафтанов и полушубков, собираются «настоящие» студенты. Глядят сверху вниз, презрительно...

Началась сходка. Она идет шумно, с перебранками. «Настоящие» нервничают: хотя по списочному составу они имеют значительное большинство, но на сходку их явилось мало, а рабфаковцы пришли организованно.

При голосовании «настоящие» проваливаются.

— Выборы неправильные! Вы берете криком, по мужицки, совет считаем незаконным,— протестуют они.

— Сходку считаю закрытой и предлагаю спеть «Интернационал»,— говорит председательствующий рабфаковец. Мощно звучат молодые голоса:

Вставай, проклятьем заклейменный
Весь мир голодных и рабов...

Но кто-то из «настоящих» при пении гимна стоит в головном уборе.

— Эй, Мишка! Чего он в шапке стоит?

И летит студенческая «настоящая» на пол...

Такой была обстановка в институтах, когда пришли туда первые рабфаковцы с фронтов, фабрик и заводов штурмовать крепость науки. Трудности заключались не только в том, что рабфаковцам приходилось с бою брать каждую аудиторию. Их меньше всего пугала враждебность контрреволюционной профессуры и старого студенчества. Основная трудность состояла в другом. То, что в школе обычного типа преподавалось 6—7 лет, на рабфаке надо было усвоить за 3 года на дневном и за 4 года на вечернем отделении, и это в тяжелейших условиях холода и голода,

а для вечерников, кроме того,— после утомительного рабочего дня. Приходилось мириться с отсутствием электросвета в аудиториях, столов и кроватей в общежитии, с лопнувшими трубами зимой, с картонками вместо стекла в оконных рамах, с отсутствием дров для буржуйки, провалившимся полом.

Г. Палов в статье «День рабфаковца», помещенной в газете «Рабфаковец» Ленинградского технологического института, писал:

«...День рабфаковца начался. Умылся. Стакан чаю... Кусок хлеба... Тетради... И он уже быстро шагает по улице. А на рабфаке, как и вчера, весь — внимание: жадно «ловят» уши «драгоценные слова», глаза — то впиваются в доску, то «впиваются» в преподавателя. «Так бы и выкачал из него все знания!» — сказал один парень после разговора с преподавателем.

После занятий — обед... После обеда — собрания, кружки, общественная работа.

Но это не все: вечером рабфаковец идет на свой родной завод, откуда он ушел на учебу. Чтобы остаться частицей целого, того класса истинных творцов жизни, от которого он временно оторвался, он поддерживает связь с ним. Он делится с ними своими знаниями и применяет их там в деле. Он помогает им в культурной и общественной работе. Но и это не все. Дома, в своей «комнатенке», за убогим столом, на ломаной табуретке, он сидит за самостоятельной учебой до поздней ночи...

Каждый день рабфаковца — подвиг».

Своим упорством в овладении знаниями рабфаковцы завоевали всеобщее уважение. Уже через пять лет почти весь профессорско-преподавательский состав высшей школы признал, что рабфаковцы — лучшие студенты вузов.

Партия и правительство постоянно уделяли неослабное внимание рабфакам, заботясь об их нуждах. Переломным в истории рабочих факультетов явился 1930 год, когда по решению партии и правительства рабочие факультеты стали строиться по отраслевому и производственному принципу. Теперь рабфаки создавались при крупных предприятиях, крупных совхозах и колхозах. В них шли учиться новые молодые

ударники, энтузиасты индустриальных гигантов и социалистических полей.

Каждый участок промышленности имел теперь свою базу — свой вуз, и каждый такой вуз в свою очередь имел питательный резервуар — рабфак. Эти кузницы новой, советской интеллигенции росли с каждым годом.

Рабочие факультеты сыграли исключительно важную роль в пролетаризации высшей школы и в подготовке новой, советской интеллигенции. Они через вузы ежегодно вливали в нашу промышленность новые молодые силы, воспитанные рабочим классом, вышедшие из его среды.

Сотни тысяч рабочих, батраков, крестьян-бедняков прошли свой общеобразовательный путь от первичной школы грамоты в вуз через рабфак. Путь в высшую техническую школу — Промышленную академию — через рабфак прошел выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства Н. С. Хрущев, в прошлом рабочий-слесарь, ныне Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров Союза ССР.

Наряду с широкой сетью общеобразовательных школ взрослых была создана стройная система внешкольного просвещения трудящихся. Газета, книга, радио, кино проникали во все, самые глухие уголки советской земли, приобщая миллионы к культурной жизни.

В годы второй пятилетки выросло число общеобразовательных детских школ. В 1937 году на школьное дело было израсходовано в 15,2 раза больше средств, чем в 1928 году, и в 4 с лишним раза больше, чем в последнем году первой пятилетки. Число учащихся в школах всех ступеней увеличилось за годы второй пятилетки почти на 10 миллионов человек, а в 8—10-х классах выросло в 15 раз. Коммунистическая партия и Советское правительство продолжали вести начатую еще в первой пятилетке большую работу по повышению качества обучения и преподавания в школе. Были приняты важные решения, определяющие программу перестройки и укрепления общеобразовательных школ.

Ликвидация неграмотности среди взрослых, введение всеобщего обязательного обучения детей, рост культурно-просветительных учреждений, создание ши-

рокой сети школ профессионального обучения — от школ фабрично-заводского ученичества до вузов — все это были крупные победы, одержанные нашим народом на пути строительства социализма.

По данным переписи 1939 года, грамотность населения в возрасте от 9 до 49 лет по стране составляла 89,1 процента, в городах — 94,2 процента, в деревнях — 86,3 процента. Грамотность мужчин составляла 95,1 процента, грамотность женщин — 83,4 процента. Так в рекордно короткий срок — менее чем за 20 лет — была решена одна из труднейших задач строительства социалистической культуры.

Таких темпов не знала ни одна историческая эпоха, ни одно государство. До революции уровень грамотности в России повышался всего на полпроцента в год. За 300 лет господства голландских колонизаторов неграмотность трудящихся в Индонезии была ликвидирована лишь на 5 процентов. Таков мир капитализма.

Только на основе социалистического строя, породившего горячий энтузиазм масс, пробудившего неиссякаемый родник народного творчества, возможно было в нашей стране за короткий срок добиться огромных успехов в повышении культуры и грамотности народа.

Всенародный поход за ликвидацию неграмотности явился замечательной школой политического просвещения и воспитания миллионов людей, ставших активными строителями социализма. На опыте культпохода выросли сотни тысяч бойцов за культуру, за великое дело строительства нового общества.

Дорогу к новой жизни миллионам людей расчищала многочисленная армия культармейцев — упорных и смелых. Культармейцы смотрели на свой труд как на почетный долг.

«Мне выпало счастье обучить 193 неграмотных и 33 малограмотных. Теперь все эти люди работают и служат нашему народу. Некоторые из них находятся в Красной Армии, есть среди них бригадиры, звеньевые», — с гордостью говорила рядовая колхозница, культармеец Краснодарского края Данилова.

Через школы ликбеза — к активному участию в стройке социализма — таков был путь многих.

«Девятнадцать лет я приехала в Питер на Загородный проспект и, зайдя в дом № 10, спрашиваю дворника, где дом десять. Дворник с раздражением ответил, что подними глаза и увидишь. А что я могла увидеть, когда я и номера не умела различать. Деньги различала только по величине. Только когда Октябрьская революция сняла оковы с женщины, я нашла свой путь и ликвидировала свою неграмотность», — так писала о себе мастер шнуровочной мастерской ленинградского завода «Красная заря» Васильева. За доблестный труд в годы первой пятилетки Родина наградила ее орденом Трудового Красного Знамени.

Приведенный пример не исключение.

«Советская власть нас не забыла. Получив знания, мы будем активно участвовать в общественно-политической работе. Теперь у нас путь один — к социализму». Это первые самостоятельные строки коллективного письма крестьян, закончивших учебу в одном из ликпунктов Дедовского района Россосанского округа, присланного в особую комиссию по ликбезу Центрально-черноземной области.

Научить людей читать, писать и считать было только частью важного дела. От неграмотности — к политической и производственной грамотности, а от нее — к активному участию в социалистическом строительстве — вот путь, по которому шел культпоход.

Обучение грамоте велось вместе с политическим просвещением. Во всех школах и ликпунктах проводился политчас. Учащиеся охотно шли на него, чтобы послушать рассказ пропагандиста о пятилетнем плане и государственном устройстве СССР, о международном положении, о событиях в стране.

«Мы хотим не только знать буквы, не только уметь читать, но и разбираться во всех политических событиях, принимать активное участие в социалистическом строительстве», — говорили учащиеся.

Политико-просветительная работа с неграмотными и малограмотными велась в самых разных формах. Для них устраивались доклады, лекции, вечера художественной самодеятельности. Политическим содержанием были насыщены буквари и пособия. Так, букварь для взрослых, изданный в Сибири, назывался «Наша

сила — Советы», а хрестоматия — «Да здравствует труд».

Важное место в политико-просветительной работе занимали торжества по случаю революционных дат. На демонстрации в эти дни учащиеся ликбеза выходили отдельными колоннами. В Саратове 2 мая 1929 года 17 тысяч ликбезников, главным образом работницы и домохозяйки, организовали карнавал. Несмотря на то что это число приходилось на так называемый «страстной», предпасхальный четверг, женщины, повязав красные платочки и повязки, вышли на улицу с красными знаменами и пением революционных песен. Часто проводился просмотр кинокартин, устраивались экскурсии в колхозы, совхозы, на предприятия.

Для учащихся школ ликбеза выпускались специальные газеты и журналы. Сибирский краевой совет ОДН и Сибирский крайон издавали для начинающих читать газету «За грамоту». В 1931 году 60 тысяч малограмотных Ленинградской области выписывали «Крестьянскую газету для начинающих читать». С 1931 года стотысячным тиражом здесь начал печататься областной журнал для малограмотных «Ударная бригада». Некоторые журналы продавались со специальными вкладышами для малограмотных и учащихся школ ликбеза.

Важно было преодолеть и производственную неграмотность. С 1931 года для всех неграмотных рабочих было введено по примеру политчаса преподавание техчаса, а для крестьян — агрозооколхозчаса. Задача тех- и агрочаса состояла в ознакомлении учащихся со своим производством и организацией труда на нем. К проведению занятий привлекались инженеры, техники, агрономы, ветврачи, квалифицированные рабочие, колхозники, бригадиры.

Через школы ликбеза сотни тысяч людей получали навыки общественной работы, коллективизма и товарищества.

«Я — сын пастуха, — рассказывал о себе культурмеец Курского округа Яков Поляков. — Всегда в нужде жил. Сами ученики выдвинули меня, чтобы я ликвидировал их неграмотность. Стараюсь учить хорошо. Книги читаю такие, которые нас интересуют, по

сельскому хозяйству больше. Тут у нас идет критика, что плохая жизнь будет в колхозе. А я им разъясняю, как в дальнейшем будет идти жизнь в коллективе. Рассказываю о всеобщей обработке земли, как будем пахать, и говорю, что нам нужно объединить силы, тогда лучше будет работать. Все там равные будем, что теперь у нас будет трудовое равенство. Служил я в армии два года. Был под Гуляй-Подем — дрался с Махно. А теперь вот групповод я и секретарь ячейки Осовиахима».

А сколько было таких Поляковых!

Когда на селе проходили хлебозаготовки, учащиеся ликбеза организовывали «красные обозы» — коллективную сдачу хлеба. Выпускался заем — ликбезовцы не только сами приобретали облигации, но и распространяли их среди соседей. Деревенские ликбезники вели агитацию за увеличение посевов, участвовали в работе сельсовета, собирали утиль-сырье, создавали детские ясли, вели борьбу за всеобщее обучение детей. Учащиеся школ ликбеза становились активными агитаторами за ликбез, нередко они приводили неграмотных в школу и заставляли их дать перед всеми торжественное обещание учиться. Так, работница чугунолитейной мастерской Ленинградского завода имени Карла Маркса Сидорова стала одним из лучших организаторов культпохода. Вступила в партию. За активную работу ВЦИК представил ее к награждению. И таких примеров на заводах и фабриках, в деревнях было много.

Школы ликбеза принимали участие в колхозном строительстве, создавали инициативные группы по организации колхоза. В Северо-Кавказском крае учащиеся школ ликбеза Лабинского района организовали ударную бригаду по проведению сплошной коллективизации. Эта бригада проводила большую разъяснительную работу среди единоличников.

В Нижне-Волжском крае только весной 1931 года по 52 районам через школы обучения грамоты вступило в колхозы более 10 тысяч единоличников. В Хвалынском районе этого края ликбезники подготовили из своей среды 50 культармейцев для обслуживания полевых работ, выделили 45 книгонош, организовали культпалатки, работали чтецами, библиотекарями, санитарями, табельщиками.

Учащиеся школ грамоты фабрик и заводов нередко становились ударниками на производстве. В сети ликбеза по Ленинграду 41 тысяча неграмотных и малограмотных рабочих вступила в 1931 году в ударные производственные бригады. Лучшие из рабочих и работников были приняты в ряды Коммунистической партии и в комсомол. В городе Вольске на заводе «Красный Октябрь» группы ликбеза заключили социалистическое соревнование на лучшую производственную работу.

В. И. Ленин указывал, что для поднятия производительности труда в нашей стране необходимо развитие материальной основы крупной промышленности, коллективизация сельского хозяйства, рост дисциплины и лучшая организация труда, образовательный и культурный подъем масс.

Ударники-рабочие и инженерно-технические работники Днепростроя в открытом письме всем трудящимся СССР в связи с завершением строительства Днепрогэса в 1932 году, говоря об условиях, определивших их успех, писали: «Большую роль сыграла сплошная грамотность всех рабочих как результат большевистской работы наших культработников, помогавших нам овладевать сложной техникой, которой было насыщено наше строительство».

Не менее важное значение ликвидация неграмотности имела и в деле поднятия сельского хозяйства. На районном совещании лучших передовиков — кандидатов на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку — председатель колхоза имени Штейнгардта Краснодарского края Михайленко говорил:

«Нашему колхозу оказана великая честь представлять на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке весь Штейнгардтский район — один из передовых районов республики. И если мы этой чести добились, то потому, что наш колхоз одним из первых в районе завершил ликвидацию неграмотности».

Так обучение грамоте, борьба за культуру становились школой социалистической учебы для миллионов людей.

Более сорока лет тому назад великий Ленин подписал исторический декрет о ликвидации безграмотности. На фронтах гражданской войны, в перерыве между боями, работали первые пункты по ликвидации неграмотности. Как недавни и вместе с тем как далеки эти годы! Какой великий исторический путь пройден страной с тех пор!

Американский профессор Скотт-Ниринг во второй половине 20-х годов писал:

«...Какие-то обстоятельства высоко подняли в России молодежь и надежду на будущее... Последние сто лет были нашими, следующее столетие за Россией. Каковы-то будут результаты?»

Эти результаты известны теперь всему миру. Советские искусственные планеты, советский выпел на Луне, советский атомный ледокол «Ленин», первый в истории человечества советский космический корабль — вот их высшее выражение.

Для многих в капиталистическом мире эти результаты оказались неожиданными. Первый запуск советского искусственного спутника Земли был для них как гром среди ясного неба. Но для советских людей это не было неожиданностью. Первой вехой на пути в космос был штурм Зимнего дворца, навсегда покончивший с давно прогнившим буржуазно-помещичьим строем. Выстрел легендарной «Авроры» возвестил тогда новую эру человечества.

Совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, наш народ прокладывал новые и новые вехи: первую, вторую и последующие пятилетки. Россия из экономически отсталой страны превратилась в передовую индустриально-колхозную державу с высоким уровнем культуры и грамотности всего населения.

На II съезде политпросветов в 1921 году В. И. Ленин говорил: «...самое большое чудо, я думаю, было бы то, чтобы ликвидировать до конца самую комиссию по ликвидации безграмотности»¹. Это чудо совершилось. А без него не могло бы совершиться другое — запуск советскими людьми искусственных планет в глубину вселенной.

За годы Советской власти в СССР произошла подлинная культурная революция: осуществлено всеобщее обязательное бесплатное семилетнее обучение, широкое развитие получило среднее и высшее образование. Сейчас в нашей стране учатся свыше 50 миллионов человек.

В соответствии с Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования, принятым сессией Верховного Совета СССР 24 декабря 1958 года, всюду вводится всеобщее обязательное восьмилетнее образование. Расширяется сеть вечернего и заочного обучения. Каждый гражданин СССР, работая на производстве, имеет возможность получить бесплатное среднее и высшее образование. Подобного нет и не может быть ни в одной капиталистической стране.

Народная инициатива создала университеты культуры — новую форму образования и эстетического воспитания трудящихся. К концу 1959 года в стране уже насчитывалось свыше тысячи таких университетов. Это говорит об огромной тяге широчайших народных масс к знаниям.

Сейчас грамотность населения составляет 98,5 процента, причем грамотность мужчин и женщин, а также городского и сельского населения почти одинакова. Значительно сократился разрыв между городом и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 51.

селем по числу людей со средним и даже высшим образованием.

Великий русский поэт Н. А. Некрасов страстно мечтал когда-то:

...Придет ли времечко
(Приди, приди желанное,
Когда мужик не Блюхера
и не Милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет.

Это время пришло.

В нашей стране ежегодно выпускается свыше одного миллиарда экземпляров книг. Этого нет ни в одной капиталистической стране. Книга стала другом миллионов советских людей. И в любом доме, ученого или инженера, рабочего или колхозника, обязательно есть своя, большая или маленькая, библиотека любимых книг.

В дореволюционной России в 1913 году было около 290 тысяч человек с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, а в настоящее время насчитывается 13,4 миллиона человек.

В высших учебных заведениях в СССР в 1959 году обучалось 2 миллиона 200 тысяч студентов — в 17 с лишним раз больше, чем до революции в России, и почти в 4 раза больше, чем в Англии, Франции, Федеративной Республике Германии и Италии, вместе взятых, население которых составляет 200 миллионов человек, то есть почти столько же, сколько в СССР.

Наша страна по уровню подготовки специалистов обогнала все страны, и теперь уже США ставят перед собой задачу догнать в этом Советский Союз. На XIII съезде комсомола Н. С. Хрущев говорил:

«Вы понимаете, что это значит! Соединенные Штаты Америки, правящие круги которых кичились, претендуя на ведущее положение, теперь заявляют, что США должны догнать Советский Союз по подготовке кадров специалистов».

В 1958 году число дипломированных инженеров, занятых в хозяйстве, достигло в СССР 894 тысяч, а в США — 485 тысяч.

При царизме неграмотной, темной и забитой была женщина, особенно в деревне. В драме великого русского писателя Льва Толстого «Власть тьмы» старик Митрич говорит деревенской девочке Анютке:

«Миллионов вас столько, баб да девок, а все как звери лесные. Как выросла, так и помрет. Ничего не видала, ничего не слыхала. Мужик — тот хоть в кабаке, а то в замке, случаем, али в солдатстве, как я, узнает кое-что. А баба что? Она не то, что про бога, она и про пятницу-то не знает толком, какая такая? Пятница, пятница, а спроси какая, она и не знает. Так, как щенята слепые ползают, головами в навоз тычутся».

Ныне в нашей стране из 3,8 миллиона лиц с законченным высшим образованием более 1,8 миллиона человек, или 49 процентов, составляют женщины, а из 54,9 миллиона лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование, женщины составляют 29 миллионов человек, или 53 процента.

Молодая доярка колхоза имени XIII съезда ВЛКСМ Шиловского района Рязанской области Катя Рюхина после окончания 10 классов пошла работать на ферму. Сейчас она заведующая фермой и учится заочно в сельскохозяйственном институте.

Этот пример далеко не единичен. В сельском хозяйстве одной только Рязанской области сейчас работают 50 тысяч девушек и юношей, из них 10 тысяч закончили десятилетку. На замечательном примере передовых людей старшего поколения воспитывается достойная смена — боевая, трудолюбивая, образованная сельская молодежь.

Разительны успехи некогда отсталых национальных окраин царской России. Все народы Советской страны имеют школу на родном языке, для всех открыт широкий доступ к просвещению и культуре. 48 народностей создали за годы Советской власти свою письменность и национальный литературный язык. На 59 языках ведется обучение в школах СССР.

Такие районы, как, например, современная Коми АССР, Якутская АССР или Чукотский национальный округ, до революции имели только считанные единицы образованных людей.

«...На льдинах лавр не расцветает, у чукчей нет Анакреона, к зырянам Тютчев не придет», — писал некогда поэт Фет (зырянами называли тогда коми).

А сейчас на тысячу населения приходится с законченным высшим образованием: в Коми АССР — 15 человек, в Якутской АССР — 17, в Чукотском национальном округе — 30 человек. Со средним образованием в Коми АССР на каждую тысячу населения приходится 304 человека, в Якутской АССР — 238, в Чукотском округе — 352 человека.

Успехи СССР вынуждены признать и капиталисты. Так, американский сенатор Симингтон заявил, что в деле осуществления программы технического образования СССР «достиг того, чего не смогла добиться ни одна страна в мире!» Профессор педагогики Джордж Каунтс пишет, что система советского народного образования достигла феноменального развития.

Как же добились мы таких успехов?

Наши успехи в науке и просвещении — это прямой результат Великой Октябрьской социалистической революции. Она выполнила громадной важности задачу — просветила широкие массы трудящихся и тем самым активно содействовала тому, чтобы «поднять наинизшие низы к историческому творчеству»¹.

Исторический опыт Советского Союза и других социалистических стран говорит о правоте и жизненности ленинских идей, опровергает версию буржуазных социологов о том, что будто бы неизбежно вечное существование, с одной стороны, серой массы людей, удел которых — подчинение и тяжелый физический труд, и, с другой, горстки людей, якобы самой природой призванных мыслить, управлять, развивать науку, литературу, искусство. Теперь убедительно доказано, что трудящиеся, независимо от расовых, национальных и иных различий, могут управлять государством не хуже, а лучше так называемых «избранных» классов.

Социализм открыл неограниченный простор для роста материальных и духовных богатств общества, для всестороннего развития человека.

¹ Ленинский сборник XI, стр. 10.

Ныне советский народ приступил к развернутому строительству коммунистического общества. Коммунизм — это всестороннее развитие физических и умственных способностей всех членов общества. И в буднях строек, в делах бригад коммунистического труда уже видны черты человека светлого коммунистического будущего, о котором веками мечтали люди труда.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО	3
После Октября	—
Ленинский декрет	8
Долой неграмотность!	18
ДВИЖЕНИЕ МИЛЛИОНОВ	39
Единым фронтом	—
Огни соревнования	58
За грамотный завод	62
Штурм на селе	68
К свету и знаниям	80
Враги ликбеза	95
Каждый третий учится	100
НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ	107
От ликпункта к рабфаку	—
ОТ БУКВАРЯ К ОСВОЕНИЮ КОСМОСА	122

*Зиновьев Михаил Никитович
Плешакова Александра Владимировна*

КАК БЫЛ ВЫПОЛНЕН
ЛЕНИНСКИЙ ДЕКРЕТ

Редактор *Г. Волохова*
Художник *Н. Пешков*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Т. Климова*
Корректоры *В. Машкова, А. Мочалова*

Сдано в набор 14 октября 1960 г. Подписано в печать 11 января 1961 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 4. Условн. печ. л. 6,56.
Учетно-изд. л. 6,32. Тираж 35 тыс. экз. А 03704,
Заказ № 2069, Цена 15 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

15 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1961